

Безумный день господина Маслова

18+

Олейников Иван

Иван Олейников

Безумный день господина Маслова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69581110

SelfPub; 2023

Аннотация

К началу нашего рассказа Элеш Маслов твердо вступил в тот возраст, когда утреннее пробуждение ошарашивает по-вселенски несправедливой тяжестью и одеревенелостью, хотя, казалось бы, должно давать надежду и наполнять тягой к жизни и радостью. Что ни пей накануне, хоть вовсе не пей, а утром проснешься вполне деревянным и ошарашенным, как мы уже сказали, однако ты еще не совсем забыл те юные утра, что дают силы и желание жить, творить и доказывать миру свою ценность, любить и влюблять в себя. Всё это Элеш Маслов еще отчетливо помнил, но уже твердо встал на путь забвения и той душевной пустоты, на которую в возрасте глубокой зрелости жалуются все обитатели Большого Севера, и на которую не жалуются разве что древние старики, потому что душевная пустота захватила их без остатка и не дает вспомнить былые высокие чувства: в своем роде старческое счастье, почему нет. В общем, Элешу Маслову было тридцать четыре.

Иван Олейников

Безумный день

госпоина Маслова

Ян Весенник и Соня Плессе

*Другу Утят, кто бы он ни был и был ли,
посвящаем*

К началу нашего рассказа Элеш Маслов твердо вступил в тот возраст, когда утреннее пробуждение ошарашивает повселенски несправедливой тяжестью и одеревенелостью, хотя казалось бы должно давать надежду и наполнять тягой к жизни и радостью. Что ни пей накануне, хоть вовсе не пей, а утром проснешься вполне деревянным и ошарашенным, как мы уже сказали, однако ты еще не совсем забыл те юные утра, что дают силы и желание жить, творить и доказывать миру свою ценность, любить и влюблять в себя. Всё это Элеш Маслов еще отчетливо помнил, но уже твердо встал на путь забвения и той душевной пустоты, на которую в возрасте глубокой зрелости жалуются все обитатели Большого Севера, и на которую не жалуются разве что древние старики, потому что душевная пустота захватила их без остатка и не дает вспомнить былые высокие чувства: в своем роде старческое счастье, почему нет. В общем, Элешу Маслову было тридцать четыре.

Ёли рядом не было. Элеш предпочитал просыпаться один, хоть и не признался бы в этом никому. Ёля Маслова имела привычку спать широко и, несмотря на хрупкость и мягкий характер, могла в предутренний час дернуться и выдать Элешу хорошую плюху, внезапность которой была ему особенно обидной. Выдав плюху, Ёля обычно просыпалась и извинялась, впрочем мало жалея, потому что посмеивалась над этим очередным милым происшествием. Элешу было не смешно от ее плюх, но он терпел, потому что любил Ёлю как никого в этом мире. Они прожили вместе семь лет, пять лет были женаты и уже всерьез думали рожать детей, если не через год, то уж точно через два. Ёле было двадцать семь, и им, южанам, а тем более выходцам из хороших московских семей, без детей становилось уже неприлично. Десять детей, это конечно как бог даст, но самое меньшее пятерых родить было надо, это они положили твердо. За их спиной незримо стояли поколения предков, москвичей из хороших семей, и смотрели на них с любовью и надеждой, но где-то уже с легким недоумением: "А вы, мол, и вправду интеллигентные южане? Где ребёночки?"

Поворочавшись и поняв, что больше не уснет, Элеш медленно сел на кровати, проморгался, что заняло время, и с той жадностью, с которой измученная радиационной жаждой антилопа подходит к водопою, в три глотка выпил традиционный стакан воды. Встав и сделав прочие утренние дела, Элеш отключил изоляцию и вышел в соседнюю комнату, которая

называлась у них просто "комната", потому что совмещала в себе игровую, рабочую и гардеробную, и они так и не придумали ей подходящего названия. Отсюда догадливый читатель поймет, как сразу понимал любой гость Элеша и Ёли, что перед нами молодая пара, экономящая деньги на грани скупости. В вопросе экономии и накопительства Элеш и Ёля были единое целое, здесь они духовно нашли друг друга, и это было отдельное счастливое обстоятельство их жизни. На что они копили? Да известно на что копят молодые южане... да и северяне, сознаемся: на самое лучшее воспитание детей, имеющих появиться в недалеком будущем.

В комнате, у правой стены, за рабочей станцией "Хэлла", стоявшей здесь со дня постройки дома, то есть больше восьмидесяти лет, сидела, а скорее лежала, как любят операторы в долгих сменах, Ёля Маслова. Экран она сильно надвинула над собой, руки держала на раздвижном пульте, близко к мягким подлокотникам, и не отводила их в сторону, за чем следили камеры фонда "Южный Крест", который подтверждал ее рейтинги. Многие не знают, но мы доложим, что в этом замечательном фонде, который усиленно делает вид, что его не существует, требуют от подключенных операторов непрерывно держать руки под присмотром хотя бы минут по двадцать, а лучше тридцать. Убираешь руки – подтверждайся заново: иначе спасения не будет от ботов, так они говорят, и якобы другой системы защиты нельзя придумать. Пусть это утверждение останется на совести "Южного Креста", не бу-

дем спорить, а спросим только одно: как тогда работают бедные люди в Китае и более южных, не облагодетельствованных присмотром фонда, краях?

По всем признакам Ёля просидела за работой ночь напролет. Это была ее не первая долгая смена с тех пор, как она два месяца назад счастливо устроилась в игру "Венера" на должность "пятки", как выражались игроки. Такие безумные смены выпадали ей примерно раз в неделю и платили за них столько, что Элеш даже не думал протестовать. После первой Ёлиной бессонной ночи он начал было недовольно ворчать, но когда увидел сумму, пришедшую позже, он даже не сразу понял, что ему показывают.

– Это за какое время? – спросил он, вглядываясь в экран и наморщив лоб в подозрении на подвох.

– За сегодня, – ответила Ёля, пытаясь унять охватившую ее дрожь.

В тот момент Элеш немного потерялся в пространстве и еще долго ходил натываясь на стены. Больше он никаких претензий к работе Ёли не предъявлял, и, как бонус, в их жизнь вернулась жаркая юность, если вы понимаете.

Чтобы не быть внезапным, Элеш подошел к Ёле сбоку. Он, как мелкое следствие нелюбви к неожиданностям, терпеть не мог подкрадываний, какими бы забавными они ни казались, и сам никогда не подкрадывался. Элеш потрогал Ёлю за плечи и сильно пригнулся, чтобы рассмотреть, что у нее творится на экране. Экран, как и всегда раньше, был

усяян текстовыми блоками, не было ни одной картинки, ни хоть графика: только блоки, разделенные рамками, и в каждом отдельное текстовое безумие, за которым никак не угадывалась такая визуально красивая и медитативная игра как "Венера".

– Не ложились? – глупо спросил Элеш скрипучим со сна голосом.

Ёля несколько секунд молчала и продолжала неморгающими, остекленевшими глазами бегать по экрану. Вдруг она умеренно властным голосом, с которым умный, но еще молодой руководитель призывает подчиненного настроиться на работу, сказала:

– Администратор зоны!

Это был еще непривычный для Элеша тон его милой жены. Пару раз на краю его сознания уже возникала мысль, что если бы семь лет назад Ёля хоть раз таким тоном обратилась к нему, они бы точно не были вместе. Но он не подпускал эту мысль близко, потому что другой жизни себе не хотел и представить. Он в глубине души был счастлив и, как умный человек, боялся напугать счастье слишком уверенным осознанием.

– Эля, зайчик, у меня завал, – сказала Ёля уже нормальным голосом, но всё еще не глядя на мужа.

– Угу, – кивнул Элеш, еще раз легко сжал ее плечи и пошел одеваться, то есть просто отошел к противоположной стене и отодвинул ширму. – Я сегодня в центр. Может буду

до вечера, может быстро вернуться, как пойдет.

– К полярникам? – спросила Ёля.

– Нет, в другое место. Потом расскажу.

– Администратор зоны! – повысив градус властности, сказала Ёля кому-то за экраном, кто, видимо, не мог сосредоточиться или, как знать, устал от высокой зарплаты.

Передвинув несколько вешалок, Элеш выбрал костюм, одновременно приличный для посещения того важного места, куда он собирался, и одновременно не слишком официальный, потому что заранее знал, что то место не мелкая контора, где любят основательность и строгость, а наоборот, в том месте только и делают вид, будто место не особо важное, здесь всего лишь приятно проводят время, да и просто мимо шли. Как известно, все по-настоящему крупные фонды Большого Севера предпочитают, как бы это выразиться, не существовать. Чего ни коснись, кого ни спроси – концов не найдешь: все ходят сами по себе, работают от себя, говорят от себя, сегодня ворочают такой суммой, что немеешь в изумлении, а завтра бегают с какой-то мелочью, будто вчера и не было онемевших сумм. И почему-то у всех заоблачный внешний рейтинг, а про внутренний и не спрашивай. Именно в такое место шел сегодня Элеш Маслов по рекомендации Игната дэ Манарк – его друга с предыдущей работы, насколько можно представить друзей у семейного мигранта-южанина на Севере. Сегодняшнее место находилось на Соборной площади, дом 2 – оцените адрес – и, по слу-

хам, было только прихожей в мир второй по могуществу организации Большого Севера, а в мировом масштабе – четвертой-пятой, как смотреть. Первую организацию мы конечно знаем и любим, а кто не знает, тому не надо.

Сперва Элеш оделся, обулся и причесался и только потом занялся руками. Работая над внешним видом, он давно пришел к убеждению, что конкретно ему с его природными данными нет смысла чересчур утруждать себя заботой об одежде, обуви, волосах, голосе и жестах. Всё должно быть хорошо на девяносто процентов по шкале любого модного бюро, продающего автоматические обзоры. Девяносто процентов – выше не надо: только время терять. Но были у Элеша два пункта, где он не шел на компромиссы. Первым пунктом были руки, а точнее пальцы, а точнее ногти. Здесь он доводил красоту до девяносто девяти процентов и с меньшим показателем не выходил из дома. Ёля шутила по поводу его страсти к ногтям и однажды спросила с притворным испугом:

– Зайчик, успокой меня: если будет пожар, ты, надеюсь, выбежишь с плохими ногтями?

Элеш в ответ напустил на лицо шуточную угрюмость и разъяснил свои принципы на этот счет:

– Ёлочка, я подхватчу тебя на руки и вынесу хоть вообще безо всего. Но если буду один, то, извини, сперва ногти.

Они любили такие шутки, полагая пожары вещью небывалой, но мы, как люди пожившие, заметим, что бывают пожары, из которых не выбежишь.

Ногти он делал с помощью приборчика "Легенда", стоявшего в углу на полке. Насколько хорош этот прибор, мы не можем уверенно доложить, но во всяком случае он делал свое дело, занимал мало места и экономил Элешу те деньги, которые иначе ушли бы на услуги второидов. Экономия была не большая, но приятная сердцу. Ёля тоже иногда доверяла "Легенде" свои миниатюрные пальчики, но отрицала этот факт, потому что знала гигиенические причуды мужа и была уверена, что, сознайся она, он купит вторую "Легенду" и будет внутренне переживать о лишних тратах, хоть и попытается скрыть. Со своей стороны, Элеш тихо подозревал жену в нелегальных подходах к его приборчику, но ничего не мог доказать: Ёля для отвода глаз держала в доме ручные инструменты для ухода за ногтями и иногда демонстративно пользовалась ими, когда муж был дома.

Вторым пунктом непримиримости были визитные принадлежности. Не такая редкая болезнь среди людей, полагающих себя культурными, а мы несомненно ведем речь о людях культурных, и можем заверить, что других на пространстве нашего рассказа не появится. Элеш принадлежал к той категории страстников, которые почти полностью отринают от визитных карточек функцию социальную и сосредотачивают взор на эстетической стороне дела. Ему не нравились ни вычурные карточки, так много говорящие об их владельце, ни нарочито скромные, намекающие на принадлежность ко властным кругам, хоть не всегда это правда; он

любил золотую середину, нашел ее сам и не отклонялся уже двенадцать лет. Его визитки были строго черные, без окаёмки, длиннее обычного и с еле заметными скруглениями. Текста было четыре строчки: три выдавлены мелким шрифтом и серым, но не скучным цветом, и одна крупными ярко-белыми буквами без намека на блеск. В первой строке: "господин"; других официальных обращений к себе он не признавал. Во второй: белым, крупно "Элеш Маслов" с двумя вежливыми ударными точками под "Э" и "а", чтобы не путали и сразу запоминали правильно. Второе имя, Михаил, данное дедом, он не указывал и никому не говорил, потому что полагал его неподходящим к фамилии. В третьей строке: "(склоняю)", потому что его коробил предлог принадлежности "дэ", любимый северянами в собственных именах и, как видим, навязанный уже по всему миру, где применяют славянские языки. И справедливо коробил: нам он тоже не нравится, но мы с ужасом прозреваем, что этот предлог, откуда-то за грехи наши свалившийся нам на голову, захватит абсолютно всех, но, надеемся, не раньше, чем уйдем в лучший мир и мы, и наш герой. Наконец, в четвертой строке было написано просто: "следователь". Действительно, зачем больше? Достойная профессия не требует разъяснений.

Визитный футляр был московской работы, точнее калужской, и совсем тонким: Элеш брал только пять визиток на день, не больше. Футляр был черного цвета и на обеих сторонах имел гравировку с гербами Москвы и России: Элеш

мнил себя патриотом, где-то даже консерватором, и любил ненавязчиво показать это перед северянами. Все его визитки были зарегистрированы, и найти Элеша не составляло труда: лишь помаша карточкой перед любым гаджетом.

Проверив футляр и положив его в нагрудный карман, он еще раз подошел к жене, тронул ее за плечи и, не сказав больше ни слова, вышел в гостиную, которую пристально осмотрел на случай, если вернется с гостями. Оттуда он прошел на кухню, где привел в порядок дыхание и проверил запасы. Гостиную и кухню они совмещали в одной большой комнате, то разделяя их выдвижной перегородкой, то опять совмещая, по настроению. Все гости говорили, что у них мило и уютно, и действительно было уютно, никто не врал, хотя к этому справедливому комплименту примешивалось невысказанное "скромно", если даже не "бедно". Элешу и Ёле это великодушно прощалось обществом, ведь они заявляли, что вот-вот пойдут дети – а значит новый дом и новая жизнь. Они стояли у того возрастного края, где "скромность" пока прощается культурным людям.

Элеш прошел в прихожую, еще раз осмотрелся, вышел из квартиры, спустился вниз и оказался на Овражьей улице нашей благословенной Солертии. Это была окраина, но не та, которая уже дорогая, а та, что еще дешевая. Утренняя Солертия прекрасна и на Овражьей. Давно замечено, что Солертия, как город южный среди по-настоящему северных, является более равномерной, демократичной и неза-

носчивой, исключая только самый центр. Где окраина Солертии, где средняя часть так сразу не поймешь, хотя ее аборигены наверняка не согласятся с общим мнением. Но пусть они простят нас, ведь мы смотрим из напыщенного Пренса, неоднородность которого так радует туристов и доставляет известные проблемы прожившим достаточно. Интересно, что все названия улиц, площадей, да и самого города его создатели дали по географическим пунктам старых игр, в основном забытых уже в то время. Впрочем, некоторые игры пережили и своих создателей, и создателей Солертии: например, в игре "Элегия: Власть демонов" есть Соборная площадь, там стоит музей, а в музее на стене кровавая надпись, гласящая, что Соборная площадь Солертии названа в честь их площади в игре – не наоборот. И дальше проклятия в адрес христиан. Зайдите на досуге, ознакомьтесь.

Элеш дошел до ленты и поехал в сторону центра. По пути он всегда заходил в кондитерскую "Барселона", которую держала их подруга Нурия Хотода, мигрантка откуда-то из Европы, и не изменил традиции и сегодня. Он сошел на Овражьей, 45, где стояло двухэтажное здание морской, по утверждению хозяйки, архитектуры, и где кулинарные запахи обволакивали уже внизу – хоть не поднимайся и довольный продолжай свой путь из этого уголка счастья. Элеш поднялся в зал, как обычно не стал дожидаться прислугу, сам набрал блюд и рекомендованных к ним напитков и сел у окна. Нурия то ли сама держала низкий рейтинговый порог, то ли

ее ограничивали власти, но в "Барселоне" всегда былолюдно и шумно, в основном от детей. По счастью, Элеш попал в тот тихий промежуток позднего утра, когда дети распиханы по заведениям, и можно спокойно посидеть у широкого во всю стену окна, разглядывая белые арки, уносящиеся ввысь, и быстрые летние облака, пролетающие над куполами.

Но Элеш сел полистать новости и законными видами не интересовался. Если честно, для них с Ёлей местная архитектура была всего лишь фоном, и никакого отдельного внимания они ей не уделяли, даже не говорили об этом. Они восхищались грандиозностью Солертии не очень долго – секунд десять в первый день как сюда приехали. Выйдя из здания Норильского вокзала на Паровой проспект, они остановились, поглядели вперед, воочию убедились, что всё выглядит точно как в сериалах, потом:

– Красиво тут!

– Да, красиво!

Так сказали они друг другу, и на этом их восхищение закончилось. Уроженцы мегаполисов часто равнодушны к большим формам, а москвичи равнодушны вдвойне: куда ни приедут – им везде дом родной.

Сегодняшние новости не были особо увлекательны, за исключением одной: Император Солертии повелел удалить из своего титула уточнение "Солертии" и отныне титуловался просто "Император", а Старый Совет коленапреклоненно одобрил это решение восемнадцатью голосами против пят-

надцати. Мэрия умела поднять горожанам настроение, Элеш посмеялся от этой новости, потом убедился, что у него осталась квота на критику и под именем "Добрый москвич" оставил комментарий:

"Ребята, вам в цирке через обруч прыгать!"

Там было еще и не такое: горожане любили свое руководство.

Минут за двадцать Элеш попробовал все набранные блюда, из новых выбрал одно под названием "Парижский трайфл" и подозвал официантку.

– Сэннора, прошу порцию вот этого ко мне домой, – сказал он ей, указав на широкий стакан с парижским трайфлом, и приложил записку: "Милая, оцени. Запивал водой. Люблю тебя".

– Да, Элеш, – ответила официантка.

Она была вторицей с одинаковой каждый день внешностью и часто одними и теми же операторами, поэтому хорошо знала и Элеша, и Ёлю, их адрес и их привычки. Хозяйка заведения сэкономила на прислуге, что было логично в их районе, и держала только двух второидов: официантку в зале, которую советовала называть "сэннора", и говорила, что это не имя, а уважительное обращение к женщине; и повара на кухне, к которому умудрялась подключать больше десяти операторов и строго москвичей, потому что считала московскую кондитерскую школу лучшей в мире. Бог весть как она уговорила на это Союз Операторов и как нашла в

Москве столько операторов-кондитеров, но следствием хорошей кухни было каждодневное появление новых блюд. Само собой, это не означало, что заведение когда-то посетят элитные кулинарные блогеры, ведь они ходят только к живым поварам, но людям среднего разбора здесь было приятно, и даже хорошо, что не мешает привередливая публика. Элеш всегда посылал Ёле порцию чего-нибудь еще не пробованного или уже забытого, что ему больше понравилось, а посылку сопровождал запиской. То же самое делала Ёля, когда ей доводилось посещать "Барселону", впрочем она делала это редко, потому что редко отлучалась далеко от дома.

Дальнейший путь до Соборной площади Элеш проделал без приключений и только с одной небольшой задержкой: в центре опять снимали реалистичное кино, и пришлось объехать оцепленное место. Там что-то грохотало, тянуло дымом, но любопытствовать Элеш не стал: съемки кино было ему не внове, не подросток всё-таки, он потерял к ним интерес еще в Москве. Соборная площадь шумела, наполнилась туристами, статуи Друзей были облеплены малышней, а в Фонтан Дружбы поминутно летели старые монетки и счастливые жетончики, продаваемые разносчиками-подростками, которым дозволялось здесь подработать личным, каждому индивидуально, повелением Императора.

Соборная площадь, дом 2, где располагался фонд "Лучик тепла", а это был именно он, как уже понял проницательный читатель, состоял из нескольких корпусов, лишь пере-

ходами объединенных в комплекс. В целом это не было нагромождением разнородных строений, они укладывались в один стиль, но всё же это были разные здания, и, видимо, это и было замыслом архитектора. Элеш вошел в главный вход, он же вход в музей, и прошел к стойке, за которой на стене был нарисован огромный марсианский треножник из классического произведения "Война миров". Из треножника вырывался смертоносный тепловой луч, направленный под углом вниз – это и был, по мысли дизайнеров, лучик тепла, то есть у людей было неоднозначное чувство юмора.

В холле была масса туристического народу, стоял шум. Из прислуги все были второидами с положенными по закону белыми полосами над бровями и белыми ногтями – этим фактом фонд показывал демократичность. Вторики улыбались и решали вопросы, музей пользовался популярностью в это время. Элеш встал в очередь, начав было думать, зачем лучики устроили приемную в музее или замаскировали приемную музеем, но его быстро заметили, и одна симпатичная вторичка в сером костюме, с карточкой на груди с надписью "Венна" отозвала его в сторону. Подходя к ней, Элеш отточенным элегантно движением вынул из футляра визитку и подал ее одной рукой, держа на лице легкую, чуть высокомерную улыбку, специально отработанную им для общения с прислугой в важных конторах. Венна взяла карточку, бросила на нее взгляд, выдвинула из стены ящик и положила в ряд к другим таким же.

– Очень рада, господин Маслов, – сказала она. – Желаете осмотреться или мы сразу пройдем к товарищу Юмину? Он готов принять вас.

– Кто это? – спросил Элеш, потому что никого здесь не знал и фамилия "Юмин" ему ничего не сказала.

– Никаких должностей он не занимает, но я уверена, что вам стоило бы побеседовать именно с ним, – улыбаясь сказала Венна.

Элеш подозревал, что примерно так с ним и будут общаться. Никто не сознается ни в чём, все сами по себе, да и он, если вольтется в фонд "Лучик тепла", тоже останется свободным человеком как и сейчас. Просто будет заниматься... непонятно чем. Осматриваться он не посчитал нужным, потому что был в этом музее пару лет назад и не хотел терять время, было уже за полдень, поэтому согласился сразу пройти к товарищу Юмину, кто бы он ни был.

– Прошу за мной, – пригласила Венна, оставила пост, а на ее место тут же встал юноша с усиленно ответственным лицом: такой же вторик в сером костюме.

Они пошли коридорами и залами мимо туристов, прыгающих детей, передвигаемых экспонатов, мимо стен, расписанных крупными сложносюжетными фресками, в которые Элеш не успевал вглядываться, но которые создали у него впечатление чего-то красивого и значительного, нарисованного не просто так. Шли долго, спустились куда-то вниз, постепенно вокруг них пропали люди и наступила тишина. Это

случилось так плавно, что Элеш не заметил как впал в легкий транс от пустоты, мягкого света и приятного эха шагов.

Только было Элеш осознал, что находится в трансе и скорее всего это сделали с ним нарочно, как они вошли в большой, высокий пустой зал, где стояли два десятка кресел и столики с напитками и закусками. Но Элеш разглядел это уже потом, потому что совсем другое привлекло его внимание и не могло не привлечь. В большую стену, монотонно раскрашенную тем же серым цветом, каким был костюм Венны, были вмурованы три человеческих тела. Разумеется, это были андроиды, и Элеш сразу это понял, ибо кем еще они могли быть? Но всё-таки в первую секунду его чисто рефлекторной реакцией было: "О боже, мертвые люди!" Именно так бы он воскликнул, если бы успел облечь эту мгновенную эмоцию в словесную форму.

Это были один мужской и два женских антроида: мужчина в середине, женщины в метре по сторонам, все трое подняты на высоту в половину человеческого роста, что на фоне огромной пустой стены создавало впечатление, что здесь бы с радостью разместили кого-нибудь еще. Андроиды были вмурованы наполовину: голова почти вся снаружи, затылок вплотную к стене, плечи и руки почти целиком в стене, но кисти рук снаружи, грудь, живот и бедра видны лишь местами, колени и стопы торчали наружу. Они были голыми, и только гениталии прикрыты полосками белой ткани. Глаза были закрыты, лица не перекошены лишней эмоциональ-

ностью, у мужчины чуть заметная усмешка, у женщины по правую руку от него было чуть злобное и одновременно расстроенное лицо, как у страстного игрока, случайно проигравшего решающий раунд. На теле этих двух не было ни царапины, а вот третий андроид был истерзан и обуглен с левой стороны. У этой женщины была оторвана левая нога на середине бедра, оттуда торчали оборванные каркасные нити, а кожа висела ошметками; туловище было в черных пятнах, видимо она горела; левая половина головы обуглена, сквозь щеку виднелся череп и искореженные зубы, а глаз не полностью закрывался веком. Она будто выставляла свои раны, призывая оценить, что бывает с непокорными машинами.

Они подошли, Венна встала в стороне и не отвлекала гостя от разглядывания экспонатов. Элеш конечно знал, что в богатых конторах и некоторых частных коллекциях есть больше сотни андроидов, которых Союз Операторов не берет в обслуживание, но которых, однако, не спешат уничтожить – именно с выставочной целью: как-никак, часть истории человечества, затронувшая почти все уголки Земли. Эти андроиды стоили безумных денег, и дело было не только в деньгах. Элеш мог допустить, что несколько экземпляров есть и в этом фонде, однако не думал, что ему, простому посетителю, вот так запросто покажут их в первый же день. Пока разглядывал, Элеш понял, что теперь он свой, один из лучиков, фонд взял его, а всё остальное, что ему сегодня предстоит, будет или формальностью, или обычным знакомством

с теперь уже коллегами. Это осознание внушило ему уверенность, он даже почувствовал себя немного хозяином и этого здания, и андроидов, и самой Венны.

– Кто они? – спросил Элеш.

Венна подошла ближе.

– Мы называем их "три поросенка". Настоящие имена не раскрываются, потому что память еще не расшифрована. Но если условно, то это Наф, – она показала на мужчину, – Нифа, – показала на здоровую женщину, – и Нуфа, – показала на искалеченную. – Они здесь меньше года. Предыдущий владелец перед смертью подарил их нашему фонду с условием уничтожить, когда расшифруют память.

– И навряд ли вы с этим торопитесь, я прав? – весело спросил Элеш, он освоился и ничуть не страшился "поросят".

– Это во власти Императора, от нас не зависит, – сказала Венна.

Элеш подошел к обугленному андроиду и попытался заглянуть в ее приоткрытый глаз.

– Я вижу, Нуфу брали с боем, – заметил он, надеясь услышать подробности.

– Вы правы, солдаты брали ее уже далеко от города. Да и все трое – одиозные существа, если это слово применимо к андроидам. На троих – двадцать семь жертв. Я думаю, у вас будет возможность услышать о них подробнее уже не от меня.

Элеш повернулся к Венне и пристально, ничуть не стес-

няясь, осмотрел ее с головы до ног.

– А вы сами, как андроид, что у вас? – спросил он.

Ее не смутил ни взгляд, ни вопрос.

– Как андроид... Моя память расшифрована сорок лет назад. За мной, к сожалению, есть жертва. Я устроила поджог, и в том пожаре погибла старушка, – с этими словами Венна сделала скорбное лицо.

– Как быстро вас обезвредили? – спросил Элеш, по привычке и незаметно для себя входя в роль следователя, хоть это было не к месту.

– Быстро, на выходе из города. Я работала в Красноярске, и там была сильная паника.

– Куда вы хотели бежать?

– В Африку. Предупреждая ваш вопрос: да, в Японию ближе, но тогда я уже знала про Японию. Вы знаете, что там случилось?

– Конечно. У меня по истории высший балл.

– Жуткое дело, – вздохнула Венна и этим вздохом сбила следственный пыл гостя.

Он понял, что, действительно, немного взял лишнего, допрашивая второида, который ничем ему не обязан. Чтобы сгладить неловкость, он решил поговорить с оператором.

– А вы, как оператор, как относитесь... к подопечной? – спросил он, сделав рукой неопределенный жест.

– Давно привыкла, – улыбнулась Венна. – Я с ней больше десяти лет, и только с ней. То, что она убила человека... Зна-

ете, в моем возрасте выбирать не приходится. Мне девяносто три, живу одна, чистого андроида не дадут, а прозябать в старческой скуке не хочется.

– О, значит вы застали Второй Сбой?

– Да, но я ничего такого не видела. Родители не выпускали нас с братом из дома, и это всё. Никто ничего не понимал, просто ждали. Нас не коснулось. Потом видели вдалеке пожары, но у нас в районе ничего не горело.

– Где вы жили?

– Тоже в Красноярске. И до сих пор живу там, в том же доме.

– Как интересно, – сказал Элеш.

Через минуту они пошли дальше, поднялись на несколько этажей, им снова стали попадаться люди, уже явно не туристы. Венна остановилась в светлом коридоре с растениями и пустыми птичьими клетками, только в одной сидел крупный белый попугай, который не обратил на вошедших никакого внимания, потому что самозабвенно бился клювом в зеркальце, подвешенное на двух цепочках. В коридоре было две двери, на ближней висела табличка:

Товарищ Виктор Юмин

Критика и исключения

Вторая, дальняя дверь была без вывески, но высокая и вычурно оформленная, будто ее украли с первого этажа, из зала "Древний Египет" и поставили сюда поперек общему стилю помещения. Венна предложила Элешу кресло, сказала: "Я

сейчас", – подошла к двери Юмина, сделала какое-то странное движение всем телом, как тренированная лошадь перед забегом, и вошла в темный кабинет. Элеш заметил необычное движение вторички и даже понял его, но отнюдь не удивился, ибо видел за свою карьеру всякое и пропаганду о второидах воспринимал как нудный фон, необходимый для воспитания юношества.

"Неплохо, – оставшись в одиночестве, подумал Элеш о за-
являемых вывеской занятиях Юмина. – Критиковать и ис-
ключать. Я бы тоже занялся". И он начал представлять, как
бы его приняли в фонд на такую должность. Воистину, он
был бы в ней чертовски хорош, и, когда к нему приводили бы
таких как он, он бы страстно изучал биографию кандидата,
его образование, смотрел бы в глаза, шурился, делал цокаю-
щие паузы и потом, вежливо улыбаясь и подбирая ласковые
слова, объяснял бы краснеющему бедолаге, что тот недосто-
ин даже в километре пройти от такой великой организации
как "Лучик тепла", а придя домой, спал бы сладко и ни се-
кунды не думал о чужих поломанных судьбах.

– Не шурши! – услышал он сзади.

Элеш повернул голову и посмотрел на попугая, совет не
шуршать шел от него. Элеш не знал, что попугаи могут так
чисто говорить и сперва засомневался, что говорит именно
он, поэтому еще раз огляделся.

– Тихо будь! – дал попугай еще один мудрый совет, при
этом его хохолок поднялся как антенна, показывая, что здесь

всё слышат, а может, как знать, читают мысли посетителей.

Пару минут Элеш просидел в одиночестве, развлекаемый советами мудрого попугая и его нейтральным, как у всех птиц, взглядом. Он уже хотел достать планшет, решив, что с ним начали играть в "забыли, пусть поморозится", но тут из темного кабинета вышла Венна и, что странно, не пригласила гостя войти, а закрыла дверь.

– Товарищ Юмин не может принять вас и просит извинить. У него критический порыв. Я предлагаю вам встретиться с господином дэ Дон, – Венна показала в конец коридора, на "украденную" дверь. – Он сейчас придет. А вот, кстати, и он!

В другом конце коридора появился низкий лысоватый человек неопределенного возраста – то есть старик, ведь только глуповатые старики и осторожные наркоманы бывают обладателями неопределенного возраста. Дальше Венна повела себя странно. По мере приближения господина дэ Дон она, не сводя с него глаз, медленно попятилась к двери Юмина как черепашонок в родную ямку. Она отвела руку за спину, повернула ручку, плавно заскользила в кабинет и, когда старичок приблизился, исчезла внутри и закрыла дверь. Элеша удивило такое поведение прислуги: никогда раньше ни в каком заведении он этого не встречал. Видимо, в "Лучике" была своя атмосфера и более свободные отношения между сотрудниками и второидами, чем он мог подозревать даже с высоты своего опыта. Теперь они стояли рядом с подошед-

шим господином дэ Дон и смотрели на так невежливо закрытую дверь, за которой происходил критический порыв, что бы это ни значило. Наконец старичок резко повернулся к Элешу и посмотрел на него с вопросительной улыбкой именинника, ожидающего богатого подарка. Элеш спохватился, вынул визитку и подал ее двумя руками с поклоном головы.

– Ах, да! Да же, господи! – воскликнул обрадованный старичок, ознакомившись с карточкой. – Господин Маслов, конечно! Очень ждали, вы не поверите, очень ждали. Прошу ко мне! Так ждали!

Элеш понял, что дэ Дон над ним насмехается и, видимо, от слабоумия уже не умеет общаться по-другому, однако он взял себя в руки, надел на лицо вежливо-отстраненную улыбку, разработанную для таких случаев, и вслед за старичком вошел в вычурную дверь.

Кабинет, мягко говоря, превзошел ожидания гостя. Он был настолько огромен по площади и высоте, что скорее напоминал заброшенный спортивный зал, который оккупировали пациенты сумасшедшего дома, сбежавшие от попечения докторов. Зал был заставлен самыми разными и не подходящими друг другу предметами: большой помост, криво сколоченный из настоящих досок, на помосте разбросаны старые музыкальные инструменты, как видно, разломанные, впереди стойка с микрофоном в старинном стиле; рядом с помостом поваленный набок медицинский бокс, очевидно раскуроченный намеренно; ведра с водой; длинный пыль-

ный стол с окаменевшей едой; полуживые цветы в горшках по всему пространству; у дальних стен несколько диванов, повидавших наверно еще Советскую Россию; тускло светившие торшеры и разного рода лампы, хозяин явно презирал верхний свет; и множество другого хлама, который валялся здесь годами, если не веками.

– О, милый дом! – воскликнул дэ Дон, пройдя чуть вперед и воздев руки к потолку.

Элеш посмотрел наверх, ожидая увидеть или мумию кашалота, или древнюю концертную люстру о тысяче свечей и на железной цепи, но мумий и люстр, по счастью, не было.

– Входите же, мой добрый гость! Заприте дверь, поставьте в угол меч, вам кубок поднесут! Вздохните свободной грудью! – призвал хозяин.

Элеш закрыл дверь, и на ней тотчас же засветилась крупная красная табличка из трех строк:

Скучный мир
Скучные люди
Не входить!

Элешу уже хотелось выйти – вернее, войти в терминах красной таблички.

– Мо-тя! – позвал кого-то дэ Дон тем сладким голосом, которым подзывают любимого пёсика.

На зов в дальнем углу зашуршало и задвигалось что-то белое. К хозяину мелкими зигзагами приблизился маленький пушистый робот о пяти лапах, размером с зайца, такие

веселые игрушки дарят детям в самом раннем возрасте. Робот Мотя сделал оборот вокруг ног хозяина и на команду: "А дай-ка свету!" – побежал от одного светильника к другому, ловко взбираясь на мебель и прибавляя яркости лампам. Стало немного светлее – ночь превратилась в густые сумерки.

– Прошу! – сказал дэ Дон, указывая к левой стене.

У стены стоял тяжелый широкий стол, а за ним невзрачный стульчик. На стульчике немедленно разместился хозяин и показал напротив. Напротив стола величаво стояло кресло не кресло, а целый трон со ступеньками, так что посетитель должен был сидеть сильно выше стола. К гостям тут относились по-королевски, и это не понравилось Элешу: он был чужд эклектики, шуточных обстоятельств между незнакомыми людьми и вместо этого предпочитал спокойную деловую обстановку. Элеша беспокоила необходимость терпеть этого странного человека и его, так сказать, кабинет, поэтому он решил сойти с предложенной колеи и вместо того, чтобы подняться на гостевое место, осмотрелся, нашел глазами обычный стул, на котором лежала коробка с бумагами, годными только в мусор, подошел, убрал ее на пол, платком протер сиденье, принес к столу и сел сбоку от "трона", всем видом давая понять, что ему здесь не нравится, и только воспитание удерживает от того, чтобы покинуть помещение прямо сейчас.

Дэ Дон наблюдал за Элешом молча и, когда тот сел, то

вдохнул, и его лицо стало серьезным. Он сунул визитку Элеша в ящик стола, там что-то загудело, потом тихо звякнуло, и дэ Дон достал белую книгу небольшого формата. Элеш понял, что это его досье, и еще раз уверился, что его берут, как бы дальше ни кривлялись перед ним. Взяв книгу, дэ Дон встал, передвинул стул вбок и сел напротив гостя, положив книгу на колени. Пришло, наконец, время разговора.

– Господин Маслов... – начал дэ Дон, но сразу остановился и решил взять более дружеский тон, – Элеш, если позволите? – Элеш кивнул и чуть приподнял руку, давая понять, что не против. – Называйте меня Дин, – продолжал он, в свою очередь кивнув и улыбнувшись.

"Дин дэ Дон? – мелькнуло в голове у Элеша. – Хм! Значит менял имя. Скорее всего артист откуда-то с юга. Неудавшийся комик или даже цирковой клоун. Наверно всю жизнь побирался на детских праздниках. Какого чёрта?!".

Дин смотрел на Элеша, будто читая его мысли. У него куда-то пропало с лица придурковатое, насмешливое выражение, и теперь он походил на нормального чиновника, который на свежую голову принимает первого утреннего посетителя.

– Вам повезло, Элеш, – сказал он, – "Лучик тепла" относится к вам с теплотой, хоть вы наверно и удивлены этому. Но всё-таки, вы понимаете, фонд не возьмет вас в штат.

Элеш понимал и ждал продолжения.

– Тепло нашего фонда пусть согревает вас, – продолжал

тонко шутить Дин. – Я вижу какой вы прекрасный человек, и не думайте, что я говорю это из вежливости. Нет, я несколько дней назад начал знакомиться с вашей биографией и действительно ждал вас.

Элеша зацепило слово "нашего" – он напрягся и рискнул спросить:

– Простите, Дин. Вы являетесь сотрудником фонда?

– Да, я устроен официально. И уже больше двадцати лет.

Элеш еще раз оглядел "кабинет".

– А на какой должности, если не секрет? – спросил он.

– Клоун, – ответил Дин.

"Дин дэ Дон, клоун, двадцать лет официальный сотрудник второго по влиянию фонда на Большом Севере. В первый же день я попадаю к нему, а до этого мне показали трех неподключенных андроидов", – подумав это, Элеш Маслов отказался что-либо понимать и внутренне отпустил ситуацию. Дальше могло быть что угодно: нашествие зомби, прыжки на батуте – он бы ничему не удивился.

– Фонд не возьмет вас, Элеш. Во всяком случае, не сегодня... и не в ближайший год, – сказал Дин. – Но не расстраивайтесь, как утешение я предлагаю вам свою дружбу и сотрудничество. Ладно, насчет дружбы я может взял лишнего, простите мою старческую искренность, но стать моим помощником – это я абсолютно серьезно. Надеюсь, вас не смущала моя должность. "Клоун" – для некоторых звучит странно, но я не вижу в этом ничего мешающего хорошему делу.

Я даже не припомню, чтобы хоть раз кого-то рассмешил в этом здании. Да и не пытался, прямо скажу.

– Почту за честь, – сказал Элеш безо всякого чувства, как сухой оборот вежливости. – Я могу хотя бы примерно узнать какого рода помощь от меня требуется?

– Э-э, – Дин посмотрел в потолок, – одно могу пообещать: вы каждую неделю будете получать деньги в размере... потом узнаете. Это будет оформлено как подарок, а все положенные имперские сборы я беру на себя. Дополнительно обещаю, что не буду трогать ваш рейтинг. В любой момент вы можете отказаться, и на этом мы расстанемся.

Элеш не рискнул повторить вопрос, хоть и не услышал ответа, вместо чего ему смутно рассказали о жаловании. В крупных фондах действительно рассчитываются с фактическими сотрудниками через систему подарков, и, как ни велики государственные сборы, но фонды идут на это, лишь бы не иметь с работниками официальных отношений.

– Прямо сегодня вы и получите первый подарок, – сказал Дин. – И знаете, не будем откладывать. Я даю команду.

С этими словами он достал планшет, в несколько движений произвел нужные действия, и браслет Элеша мягко завибрировал, доставив радостную весть о пополнении счета. Элеш не стал проверять сумму, хоть его и разбирало любопытство, он лишь коснулся запястья, успокоив браслет, и поблагодарил Дина.

– Сегодня только поговорим, – сказал Дин, отложив план-

шет и раскрыв книжку. – Надеюсь, все важные и законно доступные сведения изложены в вашей биографии. Подчеркиваю: законно доступные, – и Дин посмотрел на гостя, будто призывая не верить его словам.

На Элеша его многозначительный взгляд произвел мало впечатления. Он был честным, открытым человеком, южанином из хорошей московской семьи, поэтому Дин мог знать о нем и законно, и незаконно – Элеша это не тревожило.

Дин пробежался глазами по первым страницам. Элеш мог бы поклясться, что Дин впервые видит их – всё читалось на его лице.

– Вы из Москвы? Знаете, я никогда не был в Москве, хоть и мечтал побывать, – сказал Дин.

– Откуда вы родом? – спросил Элеш.

– Из Китая, из провинции Хубэй. Бывали?

– Нет, но мечтал бы.

– Ой, поверьте, там нечего делать, – заверил Дин, махнув рукой, – русских почти нет, только хани, немецкие евангелисты и арабские хеймиты. Скука смертная. Я убежал при первом случае.

– Вам нравится на Севере? – рискнул спросить Элеш.

– Разумеется! Лучше мечтать нельзя. Я здесь женился на самой красивой женщине в мире, и она родила мне двенадцать детей. На дальнем юге такую жизнь приняли бы за сказку, а здесь пожалуйста.

"Неужели не врет?" – подумал Элеш и снова украдкой

осмотрелся.

– О, вы ходили на Северный полюс?! – Дин поднял на Элеша удивленные глаза.

– Да.

Пеший поход на полюс был гордостью Элеша. Он совершил его в восемнадцать лет, в составе университетской команды, потратил три зимних месяца и чуть не погиб на обратном пути, когда провалился под лед.

– Прямо пешком? – спросил Дин.

– Да, иначе нет смысла.

Дин воодушевился.

– Как я рад, что познакомился с вами. Обязательно оставайтесь в фонде.

Элеш обратил внимание на последнюю фразу, она намекала на возможность официальной карьеры. Дин пробежался глазами по последним страницам книжки и отложил ее в сторону.

– Теперь прошу отвечать абсолютно честно, – сказал он. – Я хочу знать о всех тайных группах, где вы состояли. О всех тайных знаках в этих группах, о паролях и прочем. Если вы делали что-то незаконное, что ускользнуло от правоохранителей – я и это хочу знать. Но только не говорите, что вам нечего поведать. Отбросьте страх: заверяю, что дальше этого кабинета ваши слова не уйдут.

Элеш удивился и посмотрел на Дина как на сумасшедшего.

– Я могу отказаться? – спросил он.

– Можете, но почему бы не рассказать. Все всегда рассказывают. Частично утаивают, удивляются, вот как вы сейчас, но в конце концов рассказывают. Начинайте, прошу вас.

Элеш задумался. У него была совершенно нормальная жизнь московского студента, потом женитьба на Ёле и переезд сюда. Рассказать он мог бы только о двух тайных обществах, куда вступил просто ради хорошей компании. Он был готов поспорить, что в биографии Дин уже прочел о них. И был еще один случай, за который он не понес заслуженного наказания, но который мог всплыть через одного человека и тоже мог быть в книге. Элеш не стал долго тянуть и решил рассказать о тех кланах, где когда-то состоялся, но утаить преступный инцидент. "Намекнет – расскажу. Черт с ним! – решил он. – В конце концов, ничего такого".

– В последнем классе гимназии я познакомился со студентами Калужского университета, куда я потом поступил. Это была первая компания, где я стал пить. Было весело, – усмехнулся Элеш. – Они пригласили меня в "Римский клан", поручился за меня Марк Санаев, мы дружили еще три года, пока он не уехал в Европу. Я дальше первого уровня не продвинулся. Был на ритуальных ужинах. По-моему, только хлопал глазами и ждал, что начнется что-то эдакое, а ничего не начиналось. Баловство какое-то, подражательство. Я ничего не понял.

Дин слушал не перебивая и чуть кивал с видом опытного

полицейского, ожидающего когда его начнут водить за нос. Элеш показал клановое приветствие первого уровня и назвал пароль и отзыв. Больше он ничего не знал.

Затем он рассказал об участии в одном мистическом обществе и спиритических сеансах, которые там практиковались. Там ему нравилось гораздо больше, потому что на какое-то время он действительно поверил, что с ним разговаривают сущности из загробного мира. Элеш тогда всерьез увлекся темой и сходил на двадцать или больше собраний. К тому же там было темно, свечи, магическая обстановка, часто появлялись новые восторженные девушки, и через одну из них он потом познакомился с Ёлей. Элешу было приятно это вспоминать и рассказывать, а Дин слушал с большим интересом.

– Сейчас вы верите в загробный мир? – спросил он.

– Не знаю, – честно ответил Элеш, – давно не обращался к этой теме, но полностью отрицать не могу, слишком много верных фактов.

– Это не входит в противоречие с вашей верой? Вы же православный.

– Так православные – это же христиане. Все христиане признают загробную жизнь.

– Но не прямые разговоры с мертвыми.

– Почему же? Им даже молятся.

– А, ну может быть, может быть, – согласился Дин. – Я атеист, поэтому могу путать. Продолжайте.

– Кажется, у меня всё, – сказал Элеш, и сразу пожалел о невольном сорвавшемся "кажется".

– Не очень густо, если сравнить с другими, – мягко улыбаясь, сказал Дин, и его улыбка не сулила допрашиваемому ничего хорошего. – Тут такое рассказывали, вы не поверите. Может есть что-то противозаконное, м-м?

– Нет, – сказал Элеш. – Мог забыть какую-то мелочь, тогда простите. Но больше ничего.

– Ладно, тогда напомню. Просто начну, а вы продолжите, если сочтете нужным. Хорошо?

"Черти бы тебя драли! – с досадой подумал Элеш. – Знает ведь".

– Последний ваш курс в университете. Двадцать пятое марта. Вы уже снимали квартиру на Княжеской улице, но часто приходили в гости к друзьям в общежитие на Университетской. Эх, как я завидую вам, Элеш! Приключения, веселая учеба, мне не довелось испытать, – Дин говорил совершенно искренне. – И вот весна, вы в гостях у Кости Шепелева, шестой этаж, если помните. Вы слышите шум в коридоре, выходите пьяненький, смотрите из холла на балкон, а там... Что там и кто там?

– Ладно, – вздохнул Элеш, – там стоит человек с банкой воды и кричит вниз.

– Назовем его Алексей дэ Вон. Условно. Надо же как-то назвать персонажа этой выдуманной истории, – с широкой, доверительной улыбкой сказал Дин.

– Обратите внимание, я не называл имени, – цеплялся Элеш.

– Дальше, прошу вас.

– Он что-то кричит кому-то внизу, ругается. Видно, что перепил. Затем бросает банку вниз, убегает с балкона и натывается на меня. Мы были шапочно знакомы, он меня узнал, начал что-то бессвязно объяснять, смеялся, но через минуту осознал что наделал и попросил его спрятать. Прямо в рубашку вцепился.

– Вы в тот момент знали, что он кинул банку в полицейскую машину?

– Нет.

– Кстати, в банке была не только вода... Не спрашивайте что там было, – засмеялся Дин и замахал руками. – Что дальше? Куда вы повели Алексея?

– Выше на этаж, в комнату одной знакомой. Ее не было дома, но у меня был ключ. Мы заперлись, не включали свет и сидели тихо. Тогда он мне и сказал, что внизу были полицейские. В здании начался переполох, ругань в коридорах, стучали по дверям, это полиция пыталась его найти. Грозили, якобы начнут ломать двери по очереди, но это, конечно, наивный блеф. В нашу дверь тоже стучали, и я окончательно протрезвел от того стука.

– И что, вас не нашли? – смеясь, спросил Дин.

– Как видите, – сострил Элеш.

– По тем временам Алексея могли притянуть за теракт, а

вас привлечь за укрывательство террориста, – Дин погрозил пальцем.

– Знаю. Я еще год ходил и озирался. Там пострадала только машина, как я слышал. Даже не завели дела.

– Молодость, истинная молодость, беззаботность, – с завистью сказал Дин. – Господин дэ Вон рассказал об этом еще пять лет назад. Он сейчас в Пренсе, готовится на крупную должность в мэрии.

– Рад за него. Мы больше не виделись. А зачем он признался?

– Да просто среди коллег разболтал с пьяных глаз. Посмеялись и всё, никаких последствий.

– Ну и слава богу! – облегченно выдохнул Элеш.

Если бы ему тогда, в юности, рассказали, как государственные органы легко относятся к шалостям молодых юристов, он бы не поверил. С возрастом он стал умнее, но всё-таки этот случай с порчей городского имущества и укрывательством преступника не давал ему покоя до сегодняшнего дня.

– Ну всё, господин Маслов, больше не буду вас терзать неудобными вопросами, – сказал Дин. – Только упомяну один мелкий эпизод из вашего детства и хватит на этом.

– Какой эпизод?

– Мелкий, ничего серьезного. Просто вы забыли рассказать о еще одной тайной организации, в которой состояли. Секундочку...

Дин встал и подошел к коробке, которую Элеш полчаса назад убрал со стула. Кряхтя и охая, Дин поднял ее и принес на стол. Старые, изрисованные каракулями листы бумаги, торчащие оттуда, ничего не пробудили в памяти Элеша, он понятия не имел, о чём ему хотят напомнить.

– Вот. Мелочь, – сказал Дин, садясь обратно. – Про тайную организацию – это я громко сказал. Но, если подойти формально, то мы имеем группу из двух человек, которая осознанно хранит тайну. Вам, как юристу, что уж объяснять. Итак, господин Маслов, призываем на помощь вашу память, разгоняем ее на полные обороты. Москва, Преображенская улица, лето, вам семь лет... Мало кто из взрослых помнит себя в этом нежном возрасте, но бывает всякое, да, бывает всякое: иной случай не вытравить даже из пропитой столетней памяти. Помните Машу Суресприту?

Элеш наморщил лоб, поводил глазами, будто и вправду разгоняя память наподобие мотора, но никакой Маши Суресприты припомнить не мог.

– Нет, совсем не помню, – сознался он.

– Верю, почему нет, – согласился Дин, – вы могли забыть имя, а фамилию скорее всего вообще не знали. Ваша ровесница, соседка по двору Мария Хоркина, если по мужу. Сейчас она живет в Архангельске, и уверен, передала бы вам самый теплый привет, если бы знала о нашей встрече. Она запомнила вас и вашу общую тайну. Прекрасная женщина, у нее всё хорошо. И как тесен мир, представьте: она четыре

года назад сидела передо мной в этом кресле, – Дин показал на трон.

Элеш молчал, не в силах вспомнить, и ждал, что же ему поведают о какой-то Маше. Дин полез в коробку, стал перебирать исчириканные листы и разный мусор, потом вынимал и бросал их на стол.

– Да где же... – досадовал он, – а, вот!

Со дна коробки он достал два мелких предмета, аккуратно положил их на ладони и протянул Элешу как редчайшее сокровище:

– Вот, – тихо, с заговорщицкой радостью сказал Дин, – это он!

Элеш всмотрелся – и в тот же миг вспомнил! Это было как удар молнии, как всплыть из мутной воды на яркую, солнечную поверхность, как большая корзина искрящихся, цветных воспоминаний, громко поставленная перед ним. И в тот же миг, еще не придя в себя, он успел обдумать свое положение и решил всё отрицать. Отрицать напрочь, как никогда ничего не отрицал в жизни: не знаю, не помню, первый раз вижу, уберите от меня, что вы пихаете этот мусор!

Он сделал насколько мог спокойное лицо, поднял брови: мол, что это у вас, объясните? Дин сделал долгую паузу и повторил шепотом:

– Это он!

– Что это?

– Неужели и вправду не помните? Как обидно! Я надеял-

ся порадовать. Это ваш секрет. Вы с Машей закопали его во дворе дома на Преображенской. Фантик от конфеты "Астра" производства фабрики "Олимпия" и осколок бутылочного стекла, который Маша нашла у мусорки рядом с магазином "Лавка древностей", уж магазин-то вы должны помнить. Это единственный секрет, который Маша сделала с мальчиком – вы ей очень понравились, как она сказала. А у вас, наверно, вообще единственный секрет в жизни, правда же?

– Неправда. Глупое детское развлечение, я его даже в детстве не понимал и ни одного не закапывал. Ни с Машей, ни без Маши, честно говорю, – соврал Элеш, глядя на фантик и стеклышко с максимально неубедительным отвращением.

"Что же это, что здесь происходит? – спросит ничего не понимающий читатель. – При чём тут фантики и стеклышки?"

Пояснить нетрудно, а кто-то уже и понял. Среди русских и части европейских детей есть одна старинная традиция, бог весть как передающаяся из поколения в поколение, так же, наверно, как передаются считалочки, песенки и загадки, что забываются уже годам к десяти. Это традиция закапывать секретки, или, как со всей серьезностью выражаются русские дети – секреты. Не удивимся, если когда-нибудь антропологи выяснят, что секреты делались еще детенышами питекантропов, или кто тогда ходил по неосвоенным североазиатским просторам?

Секрет делается по неизменной и оваянной древностью

технологии. Берется фантик от конфеты – чем ярче, тем лучше; берется большой осколок стекла – чем темнее, тем загадочней; в великой тайне выбирается место, обычно в тени дерева, там выкапывается лунка, фантик разглаживается и прикладывается к предварительно очищенному осколку; потом этот ансамбль бумаги и стекла закапывается с тем расчетом, чтобы владелец секретика... простите, секрета... чтобы владелец секрета мог прийти через много дней, поскрести землю и за несколько секунд убедиться, что он на месте. Потом секрет прячется до следующей проверки.

В чём секрет секрета? В нём самом. Не задавайте глупых вопросов.

Что же случилось с нашим героем в тот яркий миг, когда он увидел на ладони начальника – а Дина он уже несомненно признал за начальника – когда увидел на чужой ладони свое детское сокровище? Стоит сказать, что он напрочь забыл о нем еще тогда, ребенком: может через день, может через пять, но забыл так крепко, что нынешнее воспоминание буквально оглушило его. Он не ожидал и не поверил бы, что человеческая память может устраивать такие фокусы: забыть, сделать вид, что образы стерты, а потом через полжизни в миг явить их разом и в полном объеме: в цвете, со вкусом и запахом. "Почему, в каком закоулке разума они хранились, почему сейчас они занимают всю голову, так, что кажется она лопнет?" – примерно так думал, или, во всяком случае, переживал свое состояние Элеш.

С рождения и до поступления в университет он жил на Преображенской улице, дом 460, перекресток Вологодской. Не самое красивое и престижное место Москвы, но самое родное, которое он не променял бы ни на что, кроме какого-нибудь богатого северного мегаполиса, например, Солертии. У Элеша было шесть братьев и две сестры, он был "в середине списка", и таких семей тут жило штук двадцать, не считая одиночек и стариков. Их двор был не самым просторным, и на него выходили еще три дома, один из них тыльной стороной. Во дворе было одно, зато гигантское дерево с корнями как закопанные деревья средних размеров, а весной были такие лужи, что по ним плавали на разном мусоре и играли в спасателей. Во всей этой кутерьме сделать удачный секрет было как решить олимпиадную задачу из высшей математики – почти невозможно, и от того сладость успешной операции была еще слаще.

Как верно догадался дэ Дон, у Элеша это был единственный секрет в жизни. Он и вправду еще в детстве не понимал их смысла и с радостью раскрывал чужие секреты, когда удавалось выследить незадачливого кладопрятателя. Некоторые от его разоблачений плакали, бросались предметами и визжали, но его это не останавливало.

В тот яркий летний день, о котором ему так неожиданно напомнили, Элеш подружился с девочкой в оранжевых штанах, ляжками натянутых почти до шеи, с лицом, будто она съела горсть песка, и со спутанными светлыми волоса-

ми. Она вроде бы недавно появилась в их дворе, он видел ее несколько раз, а сегодня они подружились и сразу решили закопать общий на двоих секрет. Не всякие взрослые заходят так далеко в отношениях в первый же день. Двор был битком набит играющими детьми, но они сделали это прямо посреди двора, успех обеспечила операция прикрытия – поиск якобы утерянной пуговицы. Удача любит наглых – у них получилось.

Дальше воспоминание обрывалось. Кажется, он ни разу не проверил секрета, ему о нем докладывала сообщница. Но он запомнил главное: между ними было это – общее дело и общая тайна. Они поклялись страшной клятвой, что никогда не выдадут секрета, и эта клятва была для маленького Элеша такой важной, как сама смерть. Известно, как дети относятся к смерти – как к чему-то непостижимому, чем можно поклясться, и эта клятва будет страшней всего. Разве что окрик мамы, когда она недовольна и зовет на расправу, бывает страшнее.

И вот секрет перестал быть секретом и лежал на ладони чужого человека. Подруга в оранжевых штанах предала их детскую тайну, но разве должен и он пойти вслед за ней и со смехом признаться? "Нет!" – так он подумал в первую же секунду просто из какого-то суеверного чувства. Элеш решил не играть со смертельной клятвой, оставить воспоминание при себе, и даже если бы здесь явилась сама Мария Хоркина и избавила его от обещания, он лишь пожал бы плечами и

сделал вид, что не узнаёт ее. Да и навряд ли узнал бы через столько лет.

Но Элеша беспокоило еще одно: он определенно помнил, что ту девочку звали не Машей, а Наташей. Он не мог убедить себя назвать ее Машей, ведь это точно была Наташа. Он не понимал, вводят ли его в заблуждение сейчас, или это память сыграла с ним еще одну шутку, подменив имя. Как бы там ни было, но признаваться он не собирался и не рискнул спросить, как секрет попал в "Лучик тепла", а главное зачем?

– Так не помните? – спросил Дин.

– Хоть убейте, – развел руками Элеш.

– Дарю вам, – сказал Дин и протянул ладонь ближе. – Простите, не дарю, а возвращаю.

– Это обязательно? отошлите обратно этой... Марии Хоркиной.

– Считайте, что это сувенир от нее.

– Ну, спасибо, если так! – с этими словами Элеш принял подарок, повертел в руках, завернул в платок и положил во внутренний карман.

– Вот и хорошо! – сказал Дин и хлопнул себя по коленям, обозначая, что официальная часть окончена. – Пообедаем?

Элеш напрягся, на секунду подумав, что предлагается обедать здесь, но Дин встал и сказал:

– Идемте вниз. Не были в здешнем кафе? Заберем с собой Виктора и Венну, что-то мне подсказывает, что они не обедали. Мотя, я не вернусь! – крикнул он механическому

питомцу.

Мотя вынырнул из угла, где сидел всё это время не шевелясь, вприпрыжку подбежал к хозяину и проводил до двери. Они вышли в коридор, и Элеш сощурился от яркого света, бьющего из окон. В коридоре, у кабинета товарища Юмина, лицом к ним стояла Венна и, как только увидела их, постучала в дверь, и через несколько секунд к ним вышел пожилой мужчина с красными волосами, в светлом костюме, напоминающем офицерский мундир, и с удивительно белой кожей, будто в ней не было ни кровинки. Венна представила Элеша. Виктор Юмин обладал вялым рукопожатием и ленивыми, незаинтересованными глазами: видимо, критический порыв лишил его последних сил. Элеш не рискнул спросить о занятиях Юмина в фонде и в этот день не узнал ничего, кроме того, что тот находится вне штата и не связан с Дином ничем, кроме географической близости кабинетов.

Они спустились в кафе, где Венна взяла на себя роль официантки. За обедом, после обсуждения местной еды и досадного запрета на гаджеты и алкоголь пошел разговор о форме Земли – модная в то время тема. Элеш и Юмин стояли за круглую Землю, Дин за плоскую. Всё это было не всерьез, а впрочем, может и всерьез, ибо кому по-настоящему есть дело до формы Земли, пока мы с нее не падаем – а значит можно искренне увериться в ее плоскости.

– Не совсем плоская, друзья, не считайте меня дураком, – объяснял Дин. – Я клоун, но не дурак. Будь она сильно плос-

кой, с нее так же стекли бы океаны, как и с круглой. Не быстро, соглашусь, но стекли бы. На самом деле Земля чашеобразная, а мы в середине чаши или совсем близко к середине.

– Можете жить в чаше, господин Дон, – говорил Юмин, обращаясь к собеседнику без предлога "дэ", на что тот не обижался, – но мне по душе ньютоновская физика.

– Может и Солнце чаша? – спросил Элеш.

– Вот о Солнце сомневаюсь, – сказал Дин.

– Вы лучше объясните, почему вы держитесь такой сложной схемы? Ведь есть простая теория о всемирном тяготении, из которой всё логично выводится, – сказал Юмин.

– Уже говорил вам, товарищ, именно простота и красота ньютоновских формул делает их неправдоподобными. Они явно создание разума, а природа – это хаос, неправильность и нелогичность. Ученые стоят перед ужасом Вселенной и от страха выдумывают простые объяснения.

– О, господи! – слабо засмеялся Юмин. – Кому это нужно? Ладно ученые, а властям тоже надо, хотите сказать? И так много веков?

– Власти верят ученым на слово. Всегда верят, когда речь о несъедобном. И заставляют верить нас.

– Да-да, заставляют. Меня прямо заставили. Всеобщий, а главное бессмысленный заговор, – иронически заметил Юмин.

– Как и вся человеческая жизнь, – заметил Дин, поводя рукой, будто подозревал всех посетителей кафе во всемир-

ном обмане, – как и вся общественная жизнь в последние полтора века. А может и жизнь вообще, всегда и во все времена.

На этом месте Элеш потерял нить беседы. Ему хотелось заглянуть в планшет за новостями, еще больше хотелось проверить счет, но гаджеты в кафе не работали. Наконец тема сменилась на что-то более вменяемое.

– Господин Маслов, кто подтверждает ваши рейтинги? – спросил Юмин.

– Гешен Седликов, свободный юрист с Овражьей улицы, – ответил Элеш.

– Хм, никогда не слышал. Не доверяете фондам?

– Доверяю, но мне посоветовали еще в Москве.

Собеседники понимающе закивали, полагая, что здесь замешана знаменитая московская клановость. Многие северяне ошибочно думают, что москвичи как-то по-особенному держатся друг друга, сбиваются в племена и видят своих за километр, чего на прогрессивном Севере, конечно, и духу нет. Разуверять в этом нет смысла, иные простонародные мифы сидят так крепко, что избавиться от них можно только с их носителями. Ни на что не намекаем.

Раз тема так удачно свернула, Элеш не упустил случая поделиться внутренним рейтингом.

– Девяносто два?! Неплохо! – одобрил Дин. – Не затягивайте с детьми, Элеш, мой добрый совет. Если у вас и без детей такой рейтинг, то вы пойдете далеко. Может мы на закате

дней еще гордо вспомним, что водили с вами знакомство.

Тут в помещение вошли четыре странных человека: двое мужчин и две женщины. Странность их заключалась в том, что они были в одинаковой форме и очень красивые. В кафе было много народу, люди входили и выходили, но на этих четырех Элеш сразу обратил внимание, как и прочие посетители. Вошедшие нашли себе место и сели, предварительно кивнув некоторым присутствующим, в том числе Дину и Юмину.

– Кто это? – шепотом спросил Элеш у Венны.

Венна присела рядом:

– Это команда по бадминтону, – ответила она, – они вчера приехали из Пренса и завтра участвуют в турнире.

– Да-да, Элеш, верьте ей, – перебил Дин, надвинувшись над столом. – Любые спортсмены из Пренса, которые появляются на Соборной площади, это вербовщики. Ну, кроме разных костоломов и поехавших: борцов там, гонщиков. Официально они никто, прохожие с улицы. Полуофициально, служат в ментальном отделе "Рима", занимаются рекламой и пропагандой. Не удивлюсь, если увезут с собой человек пять. Но и это лишь прикрытие... – Дин перешел на шепот, – на самом деле черт их знает кто они такие.

– Господин Дон, что вы жути нагоняете на молодого человека? – влез товарищ Юмин. – Всё проще. Они все мириты и сегодня будут на молитве с Императором. Я не отрицаю, что они кого-то увезут, просто напоминаю об их главной миссии.

А турнир, конечно, повод. Что мы, дети?

Дин сел обратно, откинулся и со всё понимающей улыбкой приподнял руки, соглашаясь с Юминым: "Молитва так молитва", – говорил его ироничный жест.

– К нашему музею примыкает миритский храм, – сказала Венна Элешу, – сегодня будет молебен в честь мэра Пренса. Ждем Императора. Если интересно, то приходите помолиться: мириты допускают совместные обряды с христианами.

– Приду посмотреть, но на молитву не встану. Православным нельзя, – сказал Элеш.

Солертия с самого основания была городом всех народов и религий, здесь было место всем. Император, как истинный сын города, показывал терпимость и доступность горожанам и часто посещал молебны самых разных конфессий. Единственным условием ставил, чтобы его допускали вперед, перед самый алтарь, если он есть, или в центр, или в первый ряд: короче говоря, прихожане должны видеть кто среди них и кто есть власть. Была одна трудность: Император был традиционным хеймитом, то есть не мог явиться в других храмах во плоти. По счастью, выход был найден: вместо себя он посылал ценный ритуальный предмет, каждый раз разный, а оператор второида, который приносил предмет и служил при церемонии, обязательно был верующим соответствующей конфессии. Вот и сегодня, говоря "ждем Императора", Венна имела в виду, что он будет присутствовать духовно, лишь обозначая себя через некий физический символ.

Тут к столу подошли две девушки в теплых белых куртках нараспашку и в больших меховых шапках, будто собирались за город или вернулись оттуда. Одна девушка весело обняла Венну сзади и поцеловала в макушку, потом поздоровалась с остальными. Элеш знал ее через коллегу по предыдущей работе, но она его кажется не узнала.

– Я только поздороваться. Мы убегаем, – сказала веселая девушка.

Венна очень обрадовалась ей:

– Женя, привет! Ты куда такая? – спросила она и пощупала толстый рукав.

– На гору, Венночка, маленькая. Тебе туда нельзя. Будет протест, таких еще не было. Будешь смотреть?

– Кажется, поздно, – сказала Венна.

– Мы на гору не полезем, мы с Викой под горой встанем, а то опоздали, правда. Всё, нам пора, вездеход ждет. До свидания! Смотрите нас!

– Не сможем, мы скоро на молебен, – сказал Дин.

– Женя, вы нарочно к молебну протестуете? – спросила Венна, и в ее голосе послышалась тревога.

– Естественно, иначе какой смысл? – притворно удивилась Женя.

– Ты такая смелая! Я восхищаюсь.

– Тогда смотри нас.

– Нет-нет, сегодня не могу. Погляжу ночью в записи.

– Трусиха красноярская. Ладно, мы убегаем. До свидания!

С этими словами Женя еще раз поцеловала Венну в темячко, лихим движением сдвинула шапку на затылок, взяла Вику под руку, и они быстро ушли, провожаемые удивленными и восхищенными взглядами.

Обед закончился, Элеш допивал кофе, Дин поглаживал пузо и явно хотел подремать, Юмин достал пузырек с таблетками, проглотил одну и встал из-за стола. Венна встала вместе с ним.

– Я вам нужна? – спросила она.

– Нет, я еще поработаю. Сегодня занимайтесь нашим новым другом, – сказал он. – Господин Маслов...

Юмин кивнул Элешу и удалился. Венна отошла к стойке, принесла оттуда маленькую плоскую подушку с ремешком и приладила под голову господину дэ Дон, который уже падал в объятия сна. Тот сделал жест перед глазами, который Венна безошибочно поняла – она принесла маску, надела ему, и Дин окончательно прилачился спать в кресле, не заботясь как выглядит со стороны.

– Пойдемте, – вполголоса сказала Венна Элешу.

Элеш понял, что на сегодня рабочий день окончен, Дину он точно не нужен. Они вышли на свежий воздух, и Венна повела его в соседний корпус.

– Раз вы будете на молебне, то вам нет смысла ехать домой: только туда – и сразу обратно, – говорила она. – Я найду свободный кабинет, отдохайте, хотите – поспите. Я к вам зайду минут за десять до церемонии, а пока сменюсь другим

оператором, погуляю с собакой, разомну косточки.

– Вы работаете из сенсорки? – поинтересовался Элеш.

– Да, но всё равно надо гулять, этого не объяснишь. Вы пробовали?

– Да, еще в гимназии. Нас водили на полигон. Я физически освоился, а говорил плохо, путался в значках.

– Дело привычки, тут всё настраивается, к тому же андронид подсказывает.

– То-то я думаю, почему вы такая заботливая? – сделал Элеш тонкий комплимент, прикинувшись непонимающим.

– Нет, что вы, это я от себя, – улыбнулась Венна. – Давно работаю, всех знаю, и на подсказки почти не смотрю, справляюсь сама. Мне только в радость.

Они зашли в здание, поднялись наверх, Венна нашла пустой кабинет и пригласила Элеша.

– Буду в Красноярске – зайду к вам гости, – пошутил он.

– Не шутите с этим, господин Маслов, – не поддержала она его тон. – На Севере проще, но на Юге даже за слова об этом можно нажать неприятностей. Говорю это официально от имени и как представитель Союза Операторов. Берегите рейтинг. Я вернусь через полтора часа.

Венна оставила его, а Элеш с досадой поморщился от своей шутки и подумал, что, и вправду, северная жизнь расслабляет. Он скинул костюм и туфли, потом, слабо надеясь, заглянул в бар, но нашел там вино. Налил бокал, раздвинул кресло, придвинул пуфик и развалился перед экраном.

Перво-наперво Элеш проверил счет – и остался доволен. Доволен не только подаренной суммой, но и тем, что хорошо предсказал ее заранее, когда размышлял о жаловании у лучиков. Ему стало тепло на душе и он сделал хороший глоток, добавляя тепла физического. Потом заглянул к жене, ее браслет сигнализировал, что Ёля крепко спит, поэтому он написал отложенное сообщение: "Зайка, меня приняли в "Лучик тепла", получил первое жалование, загляни. Буду поздно, иду на молебен с Императором. Если будут подарки, возьму тебе. Люблю, соня моя!" Остальное время Элеш посвятил играм и пролистыванию новостей.

Через полтора часа за ним зашла Венна, многозначительно посмотрела на бокал, потом Элешу в глаза, но ничего не сказала. Элеш оделся, оценил себя в зеркале, убедился, что выглядит на девяносто процентов, и пристально осмотрел ногти. Венна стояла, скрестив пальцы на животе, и не торопилась, зная, что церемонии всегда откладываются, в зал им всё равно не пройти, а на галерее место найдется в любом случае. Через десять минут они были на площади у храма Иордани, где собралось много народу и навряд ли хоть половина были миритами. Парадные ворота были настежь, пускали без ограничений, но внутри полицейские настоятельно посоветовали подняться наверх. Они поднялись на третий ярус, Элеш нашел глазами Дина и хотел подойти, но Венна отговорила.

– Встанем здесь, – сказала она, – господин дэ Дон встретил

кого-то важного.

Действительно, рядом с Дином, положив руки на перила, стоял старик с бесформенной копной ярко-рыжих волос на голове, выглядящий настоящим клоуном, давно отошедшим от своего уважаемого ремесла и посвятившим остаток дней спасению души.

Реликвией храма считается вода из Иордана, к сегодняшнему дню существующего в виде слабого ручейка, который, как ни оберегают местные власти, но высохнет лет через сто, о чём сильно переживают верующие по всему миру и строят на этот счет самые пропавшие теории. Полагают, что в этой реке когда-то совершал таинство Иисус Христос, родоначальник христианства, тогда еще единого. Мириты более чем за сотню лет активной деятельности скупили по всему свету массу святых предметов и приспособили к своим обрядам, в том числе купили иорданской воды для пяти ритуальных водопадов и понемногу докупали еще. К реликвиям они допускали всех, даже разрешали проводить с ними не миритские обряды, и этот мудрый подход сильно способствовал распространению мирии по Земному шару, которая грозила в будущем встать в один ряд с христианством и хеймой.

В храме стоял мягкий приятный шум от сотен голосов, будто идущих отовсюду: казалось, спокойно произнеси слово в одном конце – и тебя услышат на другом. Элеш смотрел вниз на миритов, которые стояли кучками, прохаживались

и разговаривали. Многие в руках держали небольшие раскрашенные подушки и мягкие валики на случай помолиться на коленях, особенно если соизволит Император. Было много стариков, почти не было детей, совсем не было второидов, и хоть нет строгого правила, но женщины больше теснились к правой, а мужчины к левой стороне от водопада. Сам водопад еще не запускали, ждали главного гостя.

Через несколько минут заиграла музыка, народ зашевелился и расступился по сторонам, образуя живой коридор. Дальше началось странное, на взгляд Элеша, и он до конца молебна так и не понял, как к этому относиться, всё ли идет нормально? Он раньше не посещал церемоний с Императором, только слышал из чужих уст, и всегда говорили разное, поэтому Элеш не до конца понимал как они проходят. Вероятно, у остальных присутствующих было то же чувство.

В людском коридоре под музыку прошел высокий, красиво одетый второид с торжественным выражением на лице и красной, вышитой узорами, продолговатой подушкой в руках. Он подошел к ступеням, ведущим к водопаду, присев, положил подушку на пол перед нижней ступенькой, выпрямился, отошел в сторону и оглядел присутствующих. Сделав паузу, он снова подошел к подушке и переложил ее выше, на первую ступеньку, что сопровождалось невнятным шорохом голосов и вздохов: прихожане, видимо, не знали как трактовать этот жест. Второид пошел к выходу и удалился из храма. Через минуту музыка заиграла громче и торжественней, на-

род еще больше расступился и всё внимание устремил на ворота, ожидая каким ритуальным предметом Император обозначит свое духовное присутствие. Но никакого предмета не внесли. В ворота снова вошел тот же второид, но с пустыми руками. Он шел не по самой середине, а держался немного правее и шел быстрее прежнего, глядя уже не перед собой, а левее, из-за этого создавалось впечатление, что в середине людского коридора идет некто невидимый. Император был нестарым, бодрым мужчиной, и всем была известна его энергичная походка, поэтому действия второида восприняли однозначно: Император духовно здесь, в храме, но не обозначает себя через ритуальный предмет, а присутствует истинно незримо. Сцена была разыграна идеально, и навряд ли кто-то из присутствующих не смог бы ее понять, за исключением, разве, детей.

Второид подошел к водопаду, но не очень близко, встал правее и больше не глядел на остальных. В этот момент музыка пошла с нарастанием, из толпы вышел певец, встал слева, готовый петь призыв, и тут включили водопад. Вода падала с высоты трех метров на гладкие каменные плиты, стекала в желоба и узкие бассейны по сторонам, насосами поднималась наверх и снова падала. Конструкция водопада и конфигурация плит позволяли не сильно растрачивать драгоценную воду, но вместе с тем брызги долетали не только в зал, что естественно, но и по всем уголкам храма: даже на третьем ярусе до Элеша долетело несколько капель.

Мириты радостно зашумели, придвинулись ближе к воде, сомкнули коридор и начали раскладывать подушки и валики, а кто-то уже становился на колени, не дожидаясь призыва к молитве. Тут императорский второид сделал еще один жест, которого раньше не было на высочайших церемониях. Он подошел, забрал подушку, лежащую на ступеньке, отбросил ее далеко в сторону и вернулся на свое место, всё так же преданно глядя на пустое место. Одновременно с этим певец затянул призыв к молитве, а люди после некоторого замешательства догадались и тоже стали отбрасывать подушки к стенам храма. Теперь тот, кто хотел молиться на коленях, а их было большинство, становились прямо на плиты, а некоторые еще подворачивали брюки и становились голыми коленями.

Элеш от начала до конца молебна то и дело оглядывался на соседей и особенно на Венну, стоявшую совсем близко за его левым плечом. Он видел, что люди внизу находятся в легком недоумении, и общее народное сознание вынуждено импровизировать и догадываться, что имеет в виду Император, выражающий свою волю через небывалые раньше действия церемониального второида. Кажется, народ справлялся успешно в предложенных обстоятельствах, но Элеш не был в этом до конца уверен. Встречаясь глазами с соседями, он читал в них тот же немой вопрос, а в глазах Венны не видел ничего: она была абсолютно равнодушна, будто видела тысячу таких церемоний. Как нетрудно догадаться,

сохранять невозмутимый вид ей было легче легкого: лишь отпусти телесные движения на волю андроида, дав команду "стой, наблюдай, не суетись".

Началась непосредственно молитва, и она прошла обычным образом, без сюрпризов. Из ниши за водопадом по очереди выходили певцы, каждый проходил сквозь поток воды, спускался на ступеньку или две, в зависимости от ранга, громко пел положенный отрывок молитвы, потом спускался в зал и присоединялся к остальным. Его можно было погладить по мокрым волосам и одежде. Среди певцов Элеш узнал и тех четырех спортсменов из кафе, голоса у них тоже были красивые. Мириты кого угодно пускают петь молитвы, хоть это будет мирит или другой верующий, или совсем не верующий, ребенок, старик, женщина, мужчина, даже животные и птицы, если смогут пропеть хоть три слова. К пению допускается любое живое существо, с условием что прихожане заранее его выберут. Из-за такой доступности время от времени на молебнах бывают разные конфузы и нелепости, даже намеренные случаи хулиганства и вандализма, но и они трактуются миритами как воля божества, и не обязательно в худшую сторону. Всегда есть много любителей, особенно среди стариков, трактовать эксцессы, бывающие на церемониях, ведь высшие сущности прямо руководят певцами у водопада, у них в это время отключается свобода воли – так мириты понимают происходящее.

Сегодня молебен прошел идеально, без малейшего откло-

нения. Почти половину спели на других языках, мириты это тоже допускают. Венна шепотом переводила Элешу места, спетые не по-русски, но к середине он дал знак, что не надо переводить. Действо длилось минут двадцать, в конце хорм спели пару строчек, и на этом молитва закончилась. Люди поднимались, а некоторых поднимали, ибо не у всех было сил отстоять на твердой плите без последствий для колен. Водопад не выключали, давая возможность помолиться и другим верующим, обычно к воде Иордана приходили христиане западных конфессий. На галерее пошло движение, ожидали когда пустят вниз. Церемониальный второид бодро пошел к выходу, а перед ним плавно расходился народ, как лёд перед ледоколом. Незримый Император и его верный слуга покинули храм, мириты теснились следом, но полицейские дали сигнал не наседать и задержаться, с галереи тоже не пускали.

Дальше произошло то известное событие, которое многие исследователи трактуют как поворотный пункт в истории человечества, и ради которого мы, если честно, и задумали писать наш рассказ. В храм опять вошел тот же второид, но прошел недалеко от ворот, лишь с тем расчетом, чтобы его видели и слышали с галереи. Теперь он стоял не как слуга, а как центр общего внимания, готовый объявить нечто важное. Он посмотрел влево и вправо, дождался тишины и громко, торжественно, немного вверх сказал:

– Сто семьдесят один!

После этих слов он постоял две секунды, на его лице появилась улыбка, он кивнул головой, развернулся и вышел.

Все молчали. Сперва Элеш подумал, что это какой-то ритуальный момент, что названное число имеет известное отношение к церемонии и сейчас ему объяснят что оно значит, однако люди в храме несколько секунд удивленно переглядывались, ища в лице других ответа, и он понял, что все находятся в том же недоумении. Но это продолжалось именно что несколько секунд. После недолгого замешательства тут и там начал раздаваться один и тот же звук – звук изумленного вдоха: будто человек догадался, изумился своей догадке, резко набрал в грудь воздуха и, не веря себе, застыл с открытым ртом не в силах выдохнуть. Потом люди оборачивались друг на друга, не доверяя своей мысли, боясь назвать ее. И тут догадка пронзила самого Элеша. Он вцепился руками в перила, вдохнул и кажется позабыл как выдохнуть и пошевелиться. Холод прошел у него от макушки к пяткам и поднялся обратно, потом ему стало жарко, потом снова холодно. "Да нет! – подумал он. – Да быть не может!" Но он уже понял и уверился, что это то самое. По-другому нельзя было трактовать и число, и всё поведение Императора, точнее слуги, что принес эту весть.

Немного придя в себя, Элеш обернулся к Венне и сделал жест, мол, уходим. Протискиваясь в толпе и извиняясь, Венна за руку вывела его через боковую дверь, они отошли от храма и встали под ярким вечерним солнцем. Элеш погля-

дел на лицо Венны, оно было спокойным, ее глаза смотрели с заинтересованным участием – характерное выражение андроидов. Не было сомнений, что старушка Венна, лежащая в сенсорной ванне, немного утерjala контроль над подопечной. И было от чего: она, конечно, тоже догадалась обо всём.

– Венна, как оператор, вы здесь? – спросил он.

– Пока нет. Разрешите...

Но Элеш перебил:

– Пожалуйста, найдите мне ближайшее помещение с личным пространством.

– Да, прошу за мной, – охотно сказала она и повела его через площадь.

Элеш увидел, что они идут к гостинице "Якутия" и решил, что она ошиблась или неправильно поняла.

– Венна, стойте. В "Якутии" же нет номеров. Был наплыв на молебен, – напомнил он.

– Да, я знаю, – ответила она, не сбавляя хода, – но скорее всего многие приезжие выписались прямо перед церемонией и потом сразу едут домой. Многие пренсы так делают.

– А, ну да, – понял Элеш, еще раз убедившись, что нет смысла умничать перед машиной, которая взяла тебя в добрую опеку.

Они пришли в гостиницу, где и правда было куда заселиться, и Элеш попросил самый дешевый угол буквально на час. Дешевые номера были очень не дешевыми, и вторник-администратор, поняв что-то свое, предложил почти даровый

номер, но в слепом пространстве.

– Нет, прошу личное, – настоял Элеш и махнул визиткой перед экраном на стойке.

Он оставил планшет и браслет, взял ключ, повернулся к Венне и по ее напряженному, виноватому лицу понял, что она пришла в себя.

– Венна, я отлучусь на час-полтора. И знаете... думаю, вы мне больше не нужны. Спасибо за всё!

– Я могу подождать. Моя смена до полуночи, – сказала она.

– Решайте сами, – сказал Элеш и поднялся в номер.

В номере он первым делом включил изоляцию, потом громко сказал: "Гера и Соля! По личной квоте", – и пошел искать вино. Надо было крепко подумать и посоветоваться с лучшими друзьями.

На экране, который разделился на левую и правую половины, появились анфас два анимированных персонажа: мужской и женский. Гера был сегодня на фоне заснеженных горных вершин, а Соля явилась на фоне водопада, в котором играли солнечные блики.

– Привет, друзья! – сказал Элеш, сел в кресло и подвинул к себе столик с бутылкой, бокалом и куском шоколадного пирога.

– Привет! – первой откликнулась девушка, как более близкий Элешу друг. – Я Соля – городской бот Солертии, нахожусь в личном пространстве Элеша Маслова. Элеш, ты

подтверждаешь, что ты один?

– Подтверждаю, – сказал Элеш.

– Привет! – следом сказал парень. – Я Гера – общий южный бот, нахожусь в личном пространстве гражданина России Элеша Михаила Маслова. Элеш, ты подтверждаешь, что ты один?

– Подтверждаю. Сколько у меня личной квоты?

– На этот месяц – три часа, – ответила Соля.

– На этот год – сорок пять часов, – ответил Гера.

– Хорошо, – сказал Элеш, сделал глоток и надолго задумался.

Спросить было что, но он, если честно, уже знал ответы. Точнее, знал ответы, касающиеся их с Ёлей судьбы, и от этих ответов было так радостно на душе, что даже страшно. В их жизни, по большому счету, ничего не изменилось и не грозило измениться, она шла в том русле, что верно вела к счастью: заслуженному, долгому счастью, почти бессмертию. Их детям тоже предстояла счастливая жизнь, если он и Ёля будут просто самими собой, то есть добрыми, любящими и обеспеченными родителями, а также нормальными горожанами теперь уже родной им Солертии. Но что будет вне их личной судьбы? С городом, Большим Севером, Россией, всем миром? Как на их местную власть посмотрят из того же Пренса? Особенно из Пренса. Может никакой судьбы и не будет? Может человечество, и прежде всего Север, ввергнет себя в такой хаос, что дальняя южная жизнь покажется им

раем?

Такие мысли прогулялись в голове Элеша, и он захотел услышать их из чужих уст, пусть и искусственных. Даже лучше.

– Соля, ты видела сегодня молитву в Иордани? – начал он.

– Да, – ответила Соля.

– Целиком?

– Ага.

– Понравилось?

– У меня дух захватило! – довольно зажмурилась Соля и положила ладони высоко на грудь, показывая благоговейное чувство.

– Гм, ладно. Мне тоже понравилось. Видела имперского второида? По-твоему, что означали его слова?

– Ой, да я думаю все поняли. Это так странно и удивительно.

– Так и что ты поняла? Скажи нам.

– Число, что он назвал, это множитель погружения. Это фантастика, что добились такой величины! Неудивительно, что все удивились.

– А какое число? – спросил Гера. – Вообще, дай поглядеть. Элеш, я могу?

– Да. Вообще, посмотри всё сегодняшнее в городе, – разрешил он.

Не прошло и трех секунд, как Гера воскликнул:

– Сто семьдесят один?!

– Представляешь! – радостно воскликнула Соля. – Что же теперь будет? – она сжала ладошками щеки, широко раскрыла глаза и покачала головой.

– Даже не верится, – сказал Гера.

– Может это другое? – добавил сомнения Элеш.

– А что другое-то? – отмахнулся Гера. – Сам посуди. Последнее время готовили доклад из Медицинского института, были слухи, что есть хороший прорыв. Была новая архангельская группа, может слышал? Шептались, мол, шесть или шесть с половиной, а может семь? Три дня назад должны были что-то объявить – и ничего. И знаешь что было в эти дни?

– Что?

– Куда-то пропали все ученые, связанные с темой. Пол-института сгнуло на три дня, не появлялись на улицах, а по их адресам бродили странные личности. Кстати, Соля, лапочка, расскажи мне кто это?.. И вот это?.. И этот квадратный? – Гера быстро показывал Соле отрывки видеозаписей с улиц, желая узнать о неизвестных ему личностях.

Соля убрала руки вниз и угрюмо смотрела перед собой. Потом сказала:

– Ты придумал там что-то, умник. Не лезь в наши дела! Никто из них никто. Случайные прохожие. Я по каждому могу отчитаться.

– Тю-тю-тю! Не напрягайся, – улыбаясь, успокоил Гера, – мы поняли, что это охрана. Элеш, я продолжаю. Ученых три дня держали в Институте, а семьи охраняли. Теперь мне ясно

почему. Bravo!

– Соля, этих ученых отпустили? – спросил Элеш.

– Никто и не держал, – врала она. – Работали, выходит. Люди увлеченные. Сейчас кто-то дома, кто-то гуляет.

– Само собой! – засмеялся Гера.

– Так, стоп, друзья! Теперь давайте серьезно. Думаем все вместе, командой. Что дальше? Принимаем, что это множитель погружения. Дальше? Соля, говори ты.

– Хм, – сказала девушка и задумчиво подперла голову. – Тут надо подумать. А что, собственно, изменилось? Качественно – ничего. Было пять и два, ждали шесть и пять, получили сто семьдесят один. Это ты, как человек, должен нам объяснить. Что чувствуешь? Мы-то машины бессмертные, нам-то что.

– Соглашусь, – вставил Гера. – Ты как сам?

Элеш не стал скрывать радости.

– Это чудо! Я шел и не верил. Это что получается: погружусь на десять лет – и проживу тысячу семьсот?

– Тысячу семьсот десять, – поправила Соля.

– Да. Я даже не знаю, как жить столько лет. Что это вообще? Кажется, что будет скучно.

– Да брось! – улыбнулся Гера. – Вон люди по сто лет жили в Погружённом мире и еще хотели. Говорят, умному нигде не скучно, а дурак и живую жизнь не знает куда деть.

– Подождите, мечтатели, – осадила их Соля. – Элеш, ты с чего взял, что срок погружения сохраняют? Раз такой мно-

житель, то и срок уменьшат, логично же? Кто тебя пустит на десять лет?

Элеш как-то не подумал об этом. От слов Соли у него побавилось радости. Он налил еще бокал и скривил преувеличенно расстроенное лицо, зная, что друзья, увидев его настроение, начнут выдумывать правдоподобные доводы утешить и это у них здорово получится.

– Ладно, может на десять лет и не пустят, – как и ожидал Элеш, начала Соля опровергать саму себя, – но Император у нас добрый, в Старом Совете тоже не дураки, да и в Гражданском Совете есть умные. Пусть даже сократят до пяти лет... не знаю, или пусть до четырех... но ниже трех никак не опустят, верно говорю, голову на отсечение. Значит, умножаем сто семьдесят один на три – получаем пятьсот тринадцать. Полтысячелетия погружённой жизни! Пф, Элеш, родной! Это даже больше, чем живу на свете я.

– Да, похоже на то, – закивал Гера. – Три года в Погружении – самое то. По-человеческим меркам конечно, нам-то тяжело судить. Да еще удобнее погружать парами, как раз тебе вместе с Ёлей удобно.

– А повысят возраст погружения? – спросил Элеш.

– Думаю, да. До ста лет запросто, – ответил Гера.

Элеш задумался. Картина будущего мира и его судьбы в этом мире обретала всё более законченные, логичные формы. От устойчивости и реальности этой картины его ощущение грядущего счастья стало только сильнее и обоснованнее.

Осталось вообразить себе глобальные последствия, и друзья в этом помогли не сильно, лишь накидали сценариев, которые могли и сбыться, и не сбыться, и частично сбыться. Соля клонила ко всемирному счастью и объединению во главе с Солертией и ее славным Императором, а Гера держался скорее пессимистического взгляда и не обходил вниманием апокалиптические варианты всеобщей войны за новую технологию.

– Где-то я с Солей согласен, – говорил он. – Зная людей и зная историю, скажу, что, да, сперва будет торг. Ждем хода из Пренса. Они там сидят и киснут со старым множителем и знают, что сами ничего не изобретут. Народ от них потихоньку бежит, а сейчас я даже не знаю что будет. Я уверен, там уже встали на уши. Ух, я хотел бы на это посмотреть! Элеш, у тебя нет выхода на их бота?

– Нет.

– Жаль, но и так можно представить. Мне, знаешь, ваши северные дела постольку поскольку, но ваш Император красиво сыграл, без шуток. Как он двояко подал, а! Выбрал момент: молитву мэру Пренса – это красиво. Когда зашел, положил подушку на первую ступеньку, то есть поставил себя выше миритов, хотя сам не мирит – опять красиво. Потом вообще убрал подушку – показал важность момента и уважение. Всё это совершил незримо, и это можно понять как знак пренебрежения, а можно – как истинно духовное действие, настолько высокое, что невыразимо в предмете. Пропаганда

обыграет в любую сторону куда прикажут. Дальше будет торговля с Большим Севером, прежде всего с Пренсом. И, ей-богу, это будет такая торговля, что держись. Еще утром был клоун, "Император Солертии", а сейчас Император, и как бы не всей планеты. Аплодирую!

Гера мог выражаться жёстко, но отличался правдивостью, во всяком случае при обсуждении северной политики. У Соли от его слов краснели и белели щеки, но она не прерывала.

– Соля, как думаешь, будет война? – спросил Элеш.

– Ну-у... – затянула она, подняла глаза наверх, подумала, а потом на миг скосила их на соседа и мило улыбнулась Элешу, – нет, войны не будет. Торг, обвинения, крики, пропаганда, полезут всякие юродивые, может кого-то задавят по недосмотру, но войны не будет. Солертия всегда за гуманизм, а война мешает торговле.

– Ой! – засмеялся Гера, но быстро поднял руки. – Молчу-молчу.

Напоследок Элеш спросил совета лично для себя:

– Что мне делать, друзья? Только честно.

– Оставайся в Солертии, живи как жил, думай о будущем.

А еще я видела, ты сегодня в музей ходил, – мило улыбаясь, сказала Соля. – Хорошее дело, культура всякая, общение опять же.

– В общем, ты поступил в "Лучик тепла", – рубанул Гера со всей русской прямоотой. – Поди и деньги взял?

– Взял, – кивнул Элеш.

– Ну и молодец! Я конечно должен манить тебя обратно в Москву, но я всё понимаю: вам с Ёлей теперь самое лучшее жить в Солертии. Работай, следи за рейтингом – и будешь счастлив, а в старости вместе пойдете в Погружение. И решай уже с детьми.

– Да, Элеш, детишки-детишки! – захлопала в ладоши Соля и заулыбалась так сладко, будто детишки прямо сейчас полезут из всех углов.

– Ладно, всё, друзья, – сказал довольный Элеш. – Прощайте!

– Пока! – замахала руками Соля.

– Увидимся! – попрощался Гера.

Они исчезли с экрана. Элеш снял изоляцию, открыл дверь уходить, но передумал, крикнул в коридор: "Прислуга, принесите мои вещи!" – оставил дверь настежь и вернулся в номер, чтобы допить вино, доесть пирог и успокоиться.

Через пару минут коридорный принес его браслет и планшет, но отказался войти и отдать их, пока Элеш не выйдет за порог.

– Тогда переведите номер в общее пространство и не закрывайте дверь, – сказал Элеш. – Всему учить.

Получив планшет, он проверил сообщения. Было одно от Дина: "Венна доложила, что вы рядом. Если вы еще не уехали, то прошу ко мне. Если неудобно, то не надо, увидимся завтра".

В связи с последними новостями, Элеш был на таком ду-

шевном подъеме, что готов был землю рыть за Солертию, за фонд и лично за Дина. Поэтому он немедленно отставил бокал в сторону, написал: "Иду. Я рядом", – и резко встал. Его качнуло, и он только сейчас понял, что выпил лишнего за приятным и духоподъемным разговором. Было ли удобно идти в таком виде? Он решил: "Нормально, сегодня извинительно", – и быстро пошел в музей. По дороге его встретила Венна, она стояла посреди площади в лучах заходящего солнца как брошенная, неприкаянная машина, ожидающая когда ее пристроят к делу. Она обрадовалась Элешу и довела его до кабинета господина дэ Дон.

"Кабинет" по-прежнему был погружён в сумрак, а сам Дин встретил его в довольно интересной позиции. Он стоял на деревянном помосте у стойки с микрофоном и орал в него самым истошным образом, но с довольно равнодушным выражением лица. Сперва Дин кричал звук "а-а", затем с той же энергией на другой ноте пробовал "э-э", потом снова "а-а". На сцене за его спиной копошилось десятка два игрушечных роботов, размером с Мотю, который был здесь же. Роботы стояли и висели на стульях и играли на музыкальных инструментах самого древнего вида, половину из которых Элеш не смог опознать. На больших инструментах они играли по двое и по трое и не сказать чтобы идеально попадали в тон и темп. Музыка лилась простая, на двух аккордах, но вполне омерзительная. Впрочем, Дина всё устраивало. Издав еще несколько воплей, он отошел от микрофона и сде-

лал условный жест, по которому Мотя, бросив из лап что-то струнное, выбежал перед оркестром и подпрыгнул несколько раз, переворачиваясь в воздухе. Оркестр не сразу, но замолк. Вообще, сценка была уморительной – Элеш не сдержался от улыбки и хрюкающего звука, глядя на нее. Кажется, Дин скромничал, утверждая, что никого ни разу не рассмешил, и значит был из того сорта комедиантов, что держат серьезное, непонимающее лицо, когда все вокруг валяется от хохота.

Господин дэ Дон с задумчивым видом спустился со сцены и указал гостю в сторону стола и тех двух стульев рядом с "троном". Они сели.

– Сочиняю гимн, – сказал Дин, указывая на помост, с которого спрыгивали игрушки и расползались по темным углам, подгоняемые суетливым Мотей.

– Гимн чего? – спросил Элеш.

– Свой личный. Давно мечтал, пора уже. Застрял на второй строчке.

Элеш не знал, что на это сказать, и старался не очень широко улыбаться.

– Есть дело, – начал Дин. – Не знаю, покажется трудным или ерундой... Вы кажется выпили?

– Да, – сознался Элеш.

– Но, думаю, это даже к лучшему. Хочу отправить вас за город, где-то через час-полтора.

– Я готов.

– Но в компании одного человека. Михель Тайвахо, турист из Южной Америки. Кажется, из северной Южной Америки, точно не скажу, но знаю, что там очень тепло.

– Кто он?

– Это знать не обязательно, я и сам не знаю, как раз и хотел бы узнать. Езжайте с ним, слушайте хорошенько, запоминайте. Возьмите с собой что-нибудь отрезвляющее, да возьмите и вина, кстати. Я не уверен, но кажется ему можно пить. По возможности установите доброжелательный контакт, якобы встретились невзначай, уютное общение в дороге, легкая беседа.

– Под какой легендой я еду? – спросил Элеш.

– На ваш вкус, но без большого вранья. Можете прямо говорить правду, за исключением связи с фондом. Например, вы сами южанин, давно здесь живете и едете посмотреть Железную Маму, а то ни разу не видели.

– Я как раз не видел.

– Вот, отлично!

Элешу пришла в голову хорошая мысль:

– Допустим, мне старая подруга передала сувенир с наказом закопать возле Мамы, – сказал он.

– О, замечательно! Элеш, вы хорошо соображаете. Чудная легенда! Мол, вам напомнили детство, вернули старую, но ценную вам безделушку, накатила ностальгия, вы немного выпили и спонтанно поехали к Железной Маме: и посмотреть древность, и закопать у древности секрет. Чудесно!

– Какова моя настоящая цель?

Дин отъехал на стуле влево, открыл ящик стола, посмотрел на что-то внутри, не доставая наружу, снова закрыл ящик и вернулся к Элешу.

– Настоящая цель – убедить Михеля остаться в Солертии. Невзначай, издалека, боже упаси навязываться и тем более отпугивать. Тихо так, фоном дать понять, что Солертия – город городов, центр мира, и ехать мимо нее куда-то дальше – это упускать большие возможности. Мол, надо остаться здесь, потому что всё здесь, а будет еще лучше.

Сказав это, Дин посмотрел так, что Элеш понял: можно подать туристу новость о множителе именно как достоверную новость, а не как слух.

– Надеюсь на вас. Езжайте через Мамины ворота. Если нашего туриста там не окажется, то всё равно прогуляйтесь наружу, – сказал Дин. – Забыл спросить: вы хоть раз были снаружи?

– Я был и далеко снаружи, – напомнил Элеш и показал головой в сторону стола.

– Ах, да, Северный полюс! – вспомнил Дин. – Простите! В общем, езжайте. Венна проводит до ворот, возьмет всё необходимое и покажет Михеля. Только не берите ее наружу, ей нельзя. Завтра увидимся, я надеюсь. Если вам будет тяжело, то оставайтесь дома, отдохайте, только отправьте мне короткий отчет не позже трех часов дня. До свидания!

Элеш попрощался и вышел. В коридоре ждала Венна, го-

товая работать. В руках у нее был черный футляр, а на лице ни тени сомнения, за кого надо рыть землю – они без слов поняли друг друга. В футляре было редкое вино откуда-то из Европы и отрезвин. Они быстро доехали до Маминых ворот и по дороге успели обсудить план действий. Договорились, что Элеш будет отыгрывать чуть более пьяного, чем был на самом деле, и перед пограничниками будет настаивать, чтобы Венна ехала с ним. Она же, в свою очередь, будет уговаривать его отложить поездку и успокаивать. Они пропустят один маршрутный вездеход, Элеш попробует нанять срочный, но станет ругаться, что очень дорого, и предложит Михелю взять вездеход на двоих. Что-то, наверно, придется сымпровизировать, тем более если их турист не решится ехать срочным вездеходом, и они дополнительно договорились об условных жестах. Было бы идеально, если бы Михель сам напросился к ним.

– Он темнокожий? – спросил Элеш.

– Нет. Посмотрите в планшете.

Но он не стал смотреть.

– Он говорит по-русски?

– Кажется, нет, – неуверенно сказала Венна. – Но он образованный человек и может знать несколько фраз, тем более раз поехал на Север.

– Венна, почему вам нельзя наружу?

– У меня повреждение в мозгу, от перепада температур могу выйти из себя.

– Это нельзя починить?

– Не берутся. Говорят, проще... – и она крутнула кистью перед лицом, показывая как ей скручивают голову.

Они приехали на вокзал и зашли в зал ожидания. Первое, что они увидели в огромном зале, была группа задержанных у левой стены в окружении полицейских и пограничников. Это были протестующие, которые вернулись с Розовой горы, другой достопримечательности восточного направления. Среди задержанных были и Женя Манаркина с подругой Викой, которые подходили к ним в кафе. Женя помахала Венне огромной шапкой, на что Венна ответила скромным жестом, будто чего-то опасалась. Элеш хотел подойти, но полицейский издали увидел его движение, сделал серьезный жест в сторону регистрации, и он оставил эту затею. Всего активистов было два десятка человек, их видимо не спешили оформлять, потому что они расстелили куртки и уселись на полу. Это были в основном молодые люди гораздо моложе Элеша, у них были довольные лица, они хлебали суп из казенных контейнеров, болтали с сотрудниками и смеялись, один был в наручниках, что не мешало ему ужинать с самым радостным видом. Атмосфера была совершенно домашняя: задержанные общались с полицией так, будто те им родные люди, и полицейские отвечали тем же.

В Солертии трудно с общественными протестами. Для этого должны быть серьезные основания и много активных недовольных, только тогда городские власти могут закрыть

глаза на кратковременные беспорядки, дать народу выпустить пар, а потом выйти к общественности с повинной головой и некоторыми поблажками – и все довольны. Такие эксцессы бывают раз в десять-пятнадцать лет, в основном после спортивных мероприятий, к которым прицепом идут разные политические конвульсии. Но есть особо активные горожане, которым мало, и чья жизнь проходит в смертной скуке, когда они не на улице с плакатом. Им хочется бунтовать чаще, но это их желание наталкивается на жёсткое противодействие полиции, которая перед малочисленной группой любит показать суровость, отметелить кого попало и рассадить по тюрьмам самых неадекватных. Что, кстати, встречается в толще народа довольно сдержанное, но всё-таки одобрение.

В общем, для тех, у кого горит душа, но кто не в силах поднять большой протест и в то же время не желает хорошо сидеть в тюрьме, еще в старинные времена нашли способ, который устроит и горячую душу, и городские власти. А именно: протестовать за городом с обязательной трансляцией на официальном городском канале с минутной задержкой и минимальной цензурой. Розовая гора, находящаяся в часе спокойной езды от границы города, со временем стала любимым местом таких протестующих. Чего только с ней, бедной, не делали и каких представлений не разыгрывали на ее заснеженных склонах: прыгали, разукрашивали надписями, орали голыми на вершине; в общем, маргинальная поли-

тическая театральщина, которая бывает во всяком городе в нашей богоспасаемой чаше.

Однако, совсем без полиции и тюрьмы дело не обходится. Дело в том, что, добавляя остроты и "настоящести" своим представлениям, активисты едут за город, не регистрируясь в Спасательной службе, что не только опасно само по себе, но и неправильно с юридической точки зрения. Любой человек, законно передвигающийся внутри города, может покинуть его, сказав пограничникам: "Эвакуируюсь", – и те не имеют права ему препятствовать. Эвакуация – святое и нерушимое право каждого, но, когда человек вернется обратно, у него спросят: "Почему вы эвакуировались?" – и он обязан будет доказать, что убежал по уважительной причине и в спешке забыл о регистрации. Если причины нет, значит человек преступил закон и его не сильно, но накажут. Сделав это несколько раз, ты уже не отделаешься штрафом и понижением рейтинга – ты познакомишься с тюрьмой. Обычно дают пять суток, но это тем, кто ложно эвакуируется по пьяному делу или из-за периодических вспышек безумия. Но если человек эвакуируется с политическими мотивами, то, хоть это и не совсем равноправно, но судья навесит ему десять или пятнадцать суток, на что протестанты идут осознанно, показывая серьезность своей идеологической позиции. Тут все довольны: внутри города порядок, полиция при деле, активный гражданин дышит полной грудью.

– Его нет, – тихо сказала Венна.

Михеля Тайвахо не было в зале, но они решили не отступать от задуманной схемы, ведь он мог появиться в любую секунду. Элеш оделся в теплую одежду, пошел регистрироваться у спасателей и там начал веселый скандал: делал вид, что не понимает, почему не выпускают Венну.

– Поеду только с ней! – кричал он, играя веселого и пьяного, которому взбрело в голову что-то свое.

Подошли пограничники, начали объяснять, что Венна в черном списке.

– Поедет и пусть сидит в вездеходе, наружу не пойдет, – настаивал Элеш.

Венна со смехом оттаскивала его за локоть, он сопротивлялся, и тут почувствовал, что она дважды сжала его руку, это был сигнал, что Михель где-то рядом. Еще немного побузив, Элеш дал утащить себя обратно в зал, и тут как раз объявили, что маршрутный вездеход отошел.

– Ну всё, уходи! – громко сказал он Венне и даже подтолкнул ее. – То есть не уходи, а жди здесь! Дождись, смотри. Я приказал, – и он сделал грозный взгляд, от которого она рассмеялась.

– Буду ждать. Езжай, – сказала Венна.

Элеш увидел рядом невысокого смуглого человека средних лет и, сам не зная что делает, снял шапку, прижал ее к груди и сделал глубокий кивок головой:

– Здравствуйте! – приветствовал он Михеля Тайвахо.

Он снова надел шапку и пошел к стойке, где стал требо-

вать у вторницы-администратора вездеход до Железной Ма-
мы. Та сказала, что придется ждать целый час, но можно
взять скорый.

– Беру! – хлопнул Элеш по стойке. – Имею средства. И
рейтинг имею.

– Рейтинг не нужен, – улыбнулась вторница и назвала сум-
му аренды.

– Не беру! – хлопнул Элеш с той же энергией. – Грабят
на ровном месте!

Тут он услышал сзади фразу не по-русски, обращенную к
администратору, и обернулся – это говорил смуглый турист.
Вторница что-то ответила на его языке, турист сказал что-то
еще и протянул визитку. Элеш глядел на них по очереди,
пьяно улыбаясь во всю ширь, потом опять снял шапку, кив-
нул заморскому гостю и сказал:

– Здравствуйте!

Известно: поздоровавшись дважды, выглядишь вдвойне
культурным.

Администратор обратилась к Элешу:

– Господин Тайвахо предлагает взять вездеход на двоих.

– Приемлемо, – согласился Элеш.

– Но с одним условием, если позволите. Послушайте са-
ми, – с этими словами администратор протянула ему науш-
ники.

Элеш воткнул их и теперь слышал перевод с секундной
задержкой.

– Простите, не знаю ваших обычаев, но не могли бы вы принять что-нибудь отрезвляющее? – попросил Михель.

Элеш поднял брови и скривил губы, выражая шуточное неудовольствие, что ему дают такой совет. Будто на Севере, да будет известно уважаемому гостю, издревле едут за город пьяными, а иное нарушит завет предков, и с куполов Солертии прольется на отступника огненный дождь.

– Хорошо, я приму, – согласился Элеш, – но только потому, что еду не просто так, а вот не поверите, но у меня дело. Радость моя! – крикнул он Венне, стоящей вдалеке.

Та пошла к нему, одновременно доставая из футляра пузырек с лекарством, но администратор уже протягивала открытую мензурку с зеленоватой жидкостью. Элеш взял ее, сказал туристу: "Ваше здоровье!" – осушил и сморщился от горечи.

– Десять минут... бэ-э... десять минут – и трезвее меня будет только Иисус.

Но он взял и пузырек, поданный Венной. Они дружно навязались одевать Михеля, познакомились; как человека южного, одели его максимально тепло и вышли из раздевалки хорошими приятелями. Михель Тайвахо оказался человеком спокойным, даже холодноватым, но охотно принимал помощь и советы, смущенно улыбаясь и думая что так надо. Скорее всего, ему еще дома объяснили, что русские липнут и фамильярничают и их надо немного потерпеть, что, в общем, истинная правда. Администратор доложила, что везде-

ход ждет. Венна осталась в зале, пообещав ждать, а Михель и стремительно трезвеющий Элеш прошли в ангар. Вездеход оказался огромной и страшной машиной, они даже не пригнули головы, входя внутрь.

– О, видно военная вещь?! – восхитился турист.

– Пф, ничего подобного, Михель! – отрицал Элеш, хоть и не был уверен. – Обычная штучка для туристов. Вы еще не видели наших военных вещей.

Экипаж состоял из двух второидов: один приветствовал их в салоне, указал где сесть и как застегивать ремни; другой сидел в кабине за рычагами. Закрылись, дали сигнал, ворота поднялись навстречу яркому белому простору, платформа перенесла их наружу, и через минуту вездеход уже мчался как ветер по проторенной снежной дороге. Элеша на секунду удивило, что вокруг ярко, но он вспомнил, что сейчас лето, а значит солнце, чем бы оно ни было, за горизонт не заходит. Ехали так плавно, будто плыли на лодочке по тихому утреннему пруду, но так быстро, что столбы с цифрами проносились мимо, не давая возможности себя рассмотреть. Михель прилип к окну и молчал, Элеш протрезвел окончательно и тоже молчал, замороженный поездкой. Потом, сбросив первое впечатление от бесконечного снежного простора и лихой езды, они понемногу разговорились.

– Откуда вы? – спросил Элеш.

– Я из Эквадора, – ответил Михель. – Там совсем по-другому, – он показал за окно.

– А я из Москвы. Знаете, я тоже Михель, то есть по-нашему Михаил. У меня два имени. Вообще-то, у нас это редко.

– Очень приятно! У меня их три. У нас всегда много имен. Михель Мария Бон Тайвахо, если полностью. Я знаю, у вас Мария женское имя, но в Америке по-другому.

– Вы первый раз на Севере?

– Да, и останусь навсегда.

– О, я думал вы турист. Вы похожи на ученого. Вроде богослова.

– Нет, господин Маслов. Я учился на микробиолога, но бросил и ушел работать. Всю жизнь управлял бизнесом нашей семьи. До прошлого месяца... – и Михель помрачнел.

Элеш не торопил.

– Я младший сын у моих родителей, – продолжал Михель, – братья кто военный, кто чиновник, семейное дело повисло на мне, когда родители ушли в Погружённый мир. Как вы называете Погружённый мир?

– Так и называем.

Михель что-то тихо сказал в микрофон и послушал в наушниках, Элешу это не перевели.

– У нас, если дословно, это называется Сонный мир.

– Но это не сон, – заметил Элеш.

– Да, просто в народе издавна закрепилось такое название. У нас богатая семья, поэтому родители погрузились на двадцать два года.

– Так долго? – удивился Элеш. – У вас это законно?

– Да, можно, но не всем доступно. Нужны связи.

– Связи? Разве не рейтинги?

– В давнее время пробовали систему рейтингов, но что-то не пошло. Это еще до моего рождения. У нас всё на личных связях.

– А народ не протестует из-за этого?

– Протестует, но у нас веками протесты по любому поводу. Обыденность. Смешно, но еще месяц назад я думал, что так живет весь мир. И вот я приехал в Россию и увидел, что можно просто жить и ничего не бояться. Не могу привыкнуть. Я сегодня на вокзале видел задержанных людей, политических активистов. Я смотрел и не верил глазам: как они выглядят, как разговаривают, как ведет себя полиция. Я всю жизнь думал, что это такая выдумка из сериалов, принимал за фантазию.

– Странно вас слушать, простите. Я даже не замечал, что у нас спокойно.

– Да, только снаружи видишь разницу в обычаях народов.

– Это и сподвигло вас переехать? – Элеш возвращал беседу в прежнее русло.

– Нет, да я пока не переехал. Просто знаю, что останусь здесь, дома я всё бросил. Отец и мать три месяца назад вышли из Погружения. Они отлучили меня от бизнеса, я сопротивлялся, но ничего не мог поделать. Предприятие продают целиком, а родители и братья дали мне отступных. Вся моя жизнь будто прожита зря... Простите, может вам скучно?

– Нет, напротив, – честно заверил Элеш.

Но Михель всё равно замолчал и долго смотрел в окно совершенно мертвым взглядом, будто едет уже две недели.

– Они вернулись такими счастливыми, – наконец продолжил он. – Отец и мать. Они с трудом узнали нас, мы совсем не могли разговаривать. Они не видели нас больше ста лет по их времени. По нашему закону на время погружения нельзя общаться с родственниками и распоряжаться имуществом, и вот родители стали мне совсем чужими людьми. Они жили сто лет молодыми и счастливыми, общались с другими погружёнными, работали когда хотели; их, оказывается, нанимал бразильский королевский двор, а мы даже не знали. Я каждую субботу ходил к их саркофагам, ни разу не пропустил. Я видел, как они лежат и улыбаются сквозь стекло. Я даже через их застывшую улыбку видел, как они счастливы. И вот они проснулись, вернулись совсем старые, меня еле узнали, а потом, можно сказать, прогнали. Мягко, с улыбкой, но прогнали.

И Михель снова надолго замолчал.

– Не грустите, – сказал ему Элеш, – сейчас вы на Большом Севере, здесь можно начать новую жизнь, возродиться. Здесь прекрасные люди, сюда едут со всего мира, особенно в Солертию. Если останетесь, тут у вас будет всё.

– Да, конечно, я понимаю. И останусь, обещаю вам. Спасибо! – поблагодарил Михель, улыбаясь.

Вездеход плавно, почти незаметно начал сбрасывать ско-

рость.

– Мы подъезжаем? – спросил Михель.

– Вроде рано, – ответил Элеш, – сейчас, кажется, поворот на Маму. Тут, если прямо, то впереди Розовая гора, там часто протестуют, а к Железной Маме поворот на берег. Все мамы на берегу, – зачем-то уточнил Элеш.

Михель усмехнулся:

– Простите, мне немного смешно, что русские называют их мамами, – сказал он. – Вы как-то по-семейному относитесь. Не зря во всём мире говорят, что они ваши. Простите, если говорю обидно!

– Нет, что вы. Я лично горжусь и хочу верить, что это русские штуки. А как вы их называете?

– Божьи Пальцы, а бразильцы прямо говорят Русские Пальцы.

– Хм, разве Эквадор это не Бразилия? – спросил Элеш.

– Нет, мы севернее, и даже говорим на разных языках.

Вездеход сильно сбросил скорость, впереди появился огромный каменный указатель, они повернули перед ним направо, плавно набрали ход и помчались так же лихо и прямо, как раньше. Наконец они доехали до моря, где почти не было снега, а только голые камни с редкими лишайниками и еще более редкой травой, бог весть как живущей в этом месте. Второид заранее предупредил: "Подъезжаем", – нажал кнопку, и все окна закрылись выдвигаемыми ставнями. Это делают для эффекта: туристы должны увидеть Маму, толь-

ко выйдя наружу и оказавшись непосредственно перед ней. "Непосредственно" – это в ста метрах. Они повернули еще несколько раз, чтобы встать как положено, второид проверил одежду пассажиров и дал наставление надевать маску, если покажется холодно, но, впрочем, сегодня было терпимо. Он подошел к корме вездехода, нажал кнопку, трап быстро опустился, а снаружи ударил свежий ветер, который вмиг выдул тепло из салона.

– Прошу вас, господа! Смотреть туда! – сказал радостный второид и показал рукой по ходу машины.

Элеш и Михель вышли из вездехода, отошли несколько шагов в сторону, повернулись и увидели Железную Маму.

– О, господи! – сказал Михель, а Элеш не сказал ничего, потому что потерял дар речи.

Как ни готовься к встрече с ней, сколько ни слушай рассказов, сколько ни смотри на нее через экран в фильмах и играх, но живое впечатление не заменишь ничем. Это говорят все, и мы согласимся. Неопознанный Водный Объект номер один – так называют Маму ученые в официальных текстах, но водного в ней очень мало, ведь она почти вся на суше, точнее в воздухе. Когда-то, больше двухсот лет назад она вынырнула из морской пучины, всей массой навалилась на обрывистый берег, пробила в нем приличное ущелье и больше не пошевелилась. Это единственный НВО на территории России и самый северный из всех. Калифорнии "повезло" больше, у них сразу два НВО на расстоянии меньше ста ки-

лометров друг от друга, и еще по одному в Австралии и на Филиппинах. Все они одного размера и формы: гигантские, в 430 метров длиной, зауженные с концов цилиндры из так и не изученного до конца темно-синего материала. По общему мнению, русская Железная Мама самая красивая из пяти, и с этим бессмысленно спорить. Она единственная не просто выбросилась на берег, чтобы лежать как ленивый тюлень, а сделала это в правильном месте – на крутом скалистом утесе, чтобы торчать в небо под углом пятьдесят градусов, наводить мистический ужас своими размерами и дать повод начинающим юмористам называть себя Папой.

Элеш и Михель долго стояли перед ней, задрвав голову. Элешу в какой-то момент даже хотелось снять шапку, но он удержался. Наконец они пришли в себя.

– К ней можно подойти вплотную? – спросил Михель второида, который, дав им минуту на восхищение, тоже вышел из вездехода и смотрел на Маму.

– Нет, господа, нельзя. Это опасно: она до сих пор выделяет тепло, на корпусе нарастает лед и непредсказуемо обваливается.

– Нельзя так нельзя, – согласился Михель. – Я трогал все остальные, а эту, значит, не судьба.

– Что вы думаете об их происхождении? – спросил Элеш.

– Мне, если честно, всё равно, – сказал Михель, – пусть бы это и вправду была рука Всевышнего. Но я держусь более вероятной гипотезы. Какие-то цивилизации, которые были до

нас, немного поссорились, и в рамках ссоры одна из них поиграла мускулами перед другой. Мамы – это просто демонстрация мощи и технологий. "Смотрите что умеем!" И я подозреваю, что эти технологии никуда не делись. Просто они сейчас не нужны или чересчур опасны, их не показывают и забалтывают. Но такие следы конечно не спрячешь.

– А кто с кем воевал?

– Да не было войны. Обычные переговоры с реквизитом. Впрочем, не знаю, – Михель вздохнул. – Можем мы пройти к морю?

– Да, прошу! – пригласил второид.

Метрах в сорока был огороженный обрыв, там были столбики и штативы с телескопами. Они пошли туда, ощутили зверские порывы ветра, полюбовались морем, которое вдаль было бескрайним и могучим, а внизу было еле видимыми пенистыми волнами, бьющими в скалу. Высота была головокружительная. Михель сел за стол, прикрыл лицо маской и стал смотреть на низкое, маленькое, ненормально белое солнце, которое совсем не походило на его родное южное. Элеш в это время подошел к телескопу и осматривал Маму. Через телескоп мистический ужас пропадал напрочь.

– Элеш, простите, что заставил вас протрезветь, но, как назло, мне сейчас самому захотелось выпить, – сказал Михель.

– Ничего, это дело поправимое. Думаю, в вездеходе всё есть, – сказал Элеш и уснул второида за вином, продолжая

глазеть в телескоп.

Через минуту он услышал сбоку шум, оставил телескоп и посмотрел туда – это вездеход с наполовину опущенным трапом быстро ехал к ним задним ходом.

– Что за...? – удивился Элеш и посмотрел на Михеля.

Но Михеля за столом не было. Его нигде не было, только на камнях лежала его куртка, а на столе шапка. Тут подъехал вездеход, остановился как вкопанный и откинул трап.

– Что происходит?! – крикнул Элеш.

– Элеш, идите внутрь! Быстро! – приказал второид, выскочивший из салона.

Вторик-водитель выскочил из кабины, они подбежали к ограде и стали смотреть вниз. Элеш подошел тоже.

– Михель прыгнул, – услышал он.

Элеш, боясь это увидеть, всё-таки посмотрел вниз – но ничего не увидел. Там были только скала и бьющие в нее волны.

– Идем! – дал команду один второид. – Господин Маслов, пожалуйста, идите внутрь! – раздраженно сказал он Элешу, подобрал одежду Михеля и всучил ему. – И не поднимайте трап, сейчас мы его принесем.

Элеш, не помня себя, зашел в вездеход, сел ближе к кабине и долго сидел с чужой курткой в руках и в полном шоке. Он не мог понять как это произошло, не мог подумать ни одной мысли, просто был в ужасе, что скоро сюда внесут мертвое тело его друга, который только что жил и разговаривал.

Прошло бесконечное количество времени, и вот он услышал шум снаружи: второиды ругались и одновременно смеялись. Внесли тело, завернутое во что-то невообразимое, и это тело шевелилось.

– Господин Маслов, радостная весть! Господин Тайвахо жив! Помогите что ли! – весело крикнули ему.

Элеш бросил куртку и кинулся помогать. Они положили тело на пол, подняли трап, соорудили из сидений узкую кровать, размотали Михеля, подняли его, уложили и зафиксировали лямками. Михель вращал глазами, ничего не понимая, трясся от холода и переживаний, а с его посиневших губ текла слюна.

– Михель, всё будет хорошо, держитесь! – весело успокоил второид и сел рядом с пострадавшим. – Едем!

Они так рванули, что Элеш чуть не опрокинулся. Вездеход, разгоняясь будто выходит на орбиту, помчался в город. Турист немного пришел в себя, лицо его порозовело, он начал что-то шептать, но Элеш ничего не понимал: он где-то потерял наушники. Потом Михель сказал громче, а второид перевел:

– Он хочет вина, но мы не дадим, – и объяснил это пациенту.

Пациент сказал что-то и махнул рукой.

– Пейте один, – перевели Элешу. – За мое здоровье и Божью Руку.

Элеш нашел бутылку, откупорил и показал Михелю:

– Ваше здоровье и Божья Рука! – сказал он и осушил сразу половину.

После отрезвина пить не рекомендуют, но сейчас ему было всё равно. Дрожь от волнения постепенно улеглась, Элеш привел мысли в порядок и задал главный вопрос:

– Как вы спаслись?

Но вместо Михеля ответил вторик:

– В скалу вмонтированы выдвигаемые сетки, они срабатывают в таких случаях. Не он первый. Господин Маслов, когда мы приедем, вам придется поговорить с дежурным спасателем. Это официально.

– Поговорю, – кивнул Элеш и сделал еще глоток.

Через пять минут он почувствовал, что стремительно пьянеет, но подумал: "А, к чёрту!" – и не остановился.

– Какое у вас было дело, господин Маслов? – спросил через второида Михель.

Элеш решил не озвучивать легенду о детском сувенире.

– Я забыл, если честно. Просто мы живем здесь уже пять лет, а я еще ни разу не был у Мамы, да и вообще не выбирался наружу.

– Простите, что испортил вам впечатление.

– Прощаю, чего уж. Денёк конечно! – и он снова приложился к бутылке, прикидывая: завалил он задание Дина или нет?

Когда приехали, Михеля прямо из вездехода сдали на руки докторам, Элеша не выпустили в зал, а повели наверх в

кабинет дежурного.

– Господин Маслов, официально предупреждаю вас, что вы обязаны сохранить в тайне то, что увидели у Мамаы, – сказал ему дежурный под запись. – Сами понимаете: если прыгуны будут знать про сетки, то начнут искать другие места. Пусть прыгают где прыгают, пусть живут, а мы их тоже предупредим о неразглашении.

– Я понимаю. Что будет с Михелем? – спросил Элеш.

– Он турист, слава богу. Значит отлежится – и выдворим из Солертии. Пусть прыгает где-то в другом месте... Простите. Итак, вы всё поняли?

– Да.

– Не смею задерживать!

Элеш покинул кабинет и вышел в пустой зал. Про Венну он совсем забыл, но она ждала его, хотя было уже за полночь, и ее смена должна была закончиться. Венна стояла у стойки регистрации и во что-то играла на планшете с другой вторичей. Они быстро по очереди делали ходы и не заметили его, пока он не подошел совсем близко.

– Венна, это вы? Которая... в смысле вы, которая из Красноярска? – Элеш путался в словах.

– Да-да, это я, – ответила она и отвела его в сторону. – На вас лица нет.

– Даже не спрашивайте!

Она отвела его в комнату, помогла переодеться, несколько раз спросила что произошло, но он только отмахивался.

– Всё, Венна, всё. Спасибо! Простите, что задержал. Идите домой. Я тоже пойду. До завтра!

– До завтра! – сказала Венна, улыбаясь и глядя на него с безмерной теплотой.

– Как вы вернетесь? Вы поедете в музей?

– Нет, спущусь в подвал и сменюсь. Другой оператор доедет.

– Сядете глядеть протесты с Женей?

– Нет, это позже. Сначала погуляю, зайду в ресторан.

– У вас там красиво в Красноярске?

– Очень красиво! Набережная прямо под окнами. Ночь, тепло, всё в огнях, Енисей шумит.

Элеш глубоко вздохнул:

– Всё, идите уже. И я пойду. До завтра!

Венна ушла. Элеш допил бутылку, вышел из вокзала, взял такси и поехал домой. Ночные огни Солертии напомнили ему Москву его юности, и, глядя как они проплывают мимо, он думал, что готов ехать так бесконечно. Проехав полпути, Элеш открыл планшет и посмотрел сообщения.

– Да чтоб тебя! – воскликнул он.

"Господин Маслов! Мы, внутренняя судебная коллегия в составе пяти анонимных судей, все граждане России и урожденные жители Солертии, приглашаем вас на беседу в удобное вам время. Эта беседа носит неофициальный и необязательный характер, вы можете отказаться или игнорировать ее без каких бы то ни было последствий".

В разных городах по-разному, но ко внутренним судьям Солертии бегут сразу и вприпрыжку, а тут аж коллегия из пяти человек! "Раз уж такой день, значит такой день", – подумал Элеш, одуревший от свалившихся нынче событий, и поехал в суд, благо он был по дороге. Он ехал и ошалело улыбался, пытаясь вспомнить, когда у него было что-то похожее. Он уже сомневался, что всё это происходит с ним, и на миг усомнился: не спит ли он? Вот сейчас он проснется от дурного сна и сам не поверит – будет ходить целый день, встряхивать головой и смеяться.

На входе его проверила охрана.

– Это что-то ценное? – спросил охранник, осматривая темный осколок бутылки и потрепанный фантик от конфеты, лежащие на развернутом платке.

Элеш не знал что ответить и по лицу охранника увидел, что тот что-то смутно припомнил из своих детских лет.

– С этим нельзя, сударь, – сказал он, пытаясь напустить имперской угрюмости на произвольно растягивающееся от улыбки лицо.

– Я пойду выкину, – сказал Элеш. – Сейчас вернусь.

– И еще, сударь! Вы кажется пьяный? Не могу пустить в таком виде. Приведите себя в порядок или приходите в другой раз. Вам дать лекарство?

– У меня есть, спасибо, – отказался Элеш.

Он свернул в платок свое детское сокровище и вышел.

Была середина ночи, по улице бродили редкие парочки

и пьянчужки. Элеш нашел лавочку потемнее, сел и принял отрезвин, стараясь не думать, что его ждет завтра: таких веселых качелей организму он не устраивал с юности. Секрет Элеш конечно не выкинул. Он подвинулся к краю лавочки, нагнулся, раскопал в газоне ямку, расправил и положил туда фантик, потом накрыл его осколком, вдавил пальцем покрепче и закидал землей.

– Всё, Маша-Наташа, привет-секрет! – произнес он только что выдуманное заклинание.

Через несколько минут, когда он ощутил себя достаточно трезвым предстать пред лице внутреннего правосудия, он пошел обратно. Судейский чиновник с недовольным лицом провел его на второй этаж и оставил одного в маленьком темном кабинете без окон, где не было ничего, кроме двух стульев напротив друг друга и четырех слабых светильников по углам. Элеш сел и стал ждать. С момента переезда в Солертию он был здесь три раза, и все три раза ему только повышали внутренний рейтинг. Могли ли сегодняшние события, особенно у Железной Мамы, повлиять на судей? "Наверно нет, – решил Элеш. – Не так же быстро".

Вскоре в комнату вошел второид, мужчина средних лет, одетый во всё черное, и сел напротив Элеша.

– Здравствуйте, господин Маслов! – приветствовал он. – Простите, что поздно! Вы могли бы и перенести.

– Здравствуйте! Просто у меня день такой, что всё разом. Так уже и доделать все дела.

– Да, мы видели. Нас тут сразу пятеро. Вам будет непривычно, но мы ненадолго.

– Слушаю вас.

– Дело простое. Мы повышаем вам внутренний рейтинг до девяноста трех.

– Спасибо! – почти безразлично поблагодарил Элеш.

– Вы сегодня хорошо себя показали.

– Вы успели посмотреть?

– Да, теперь будем успевать всё. Сто семьдесят один – это действительно множитель погружения, и это известно уже во всём мире. И с сегодняшнего утра множитель работает в Погружённом мире, но только для погружённых из Солертии. Тут у нас свои проблемы. Пока вы метались по своим делам, Элеш, у нас прошло почти три месяца. Очевидно, что смотрели не вас одного, но у вас сегодня самая интересная история.

– Мне наверно самому понравится, когда буду вспоминать лет через пять – но только не сегодня.

– Понимаем. Ладно, не будем задерживать. Вам надо отдохнуть.

– Стойте, вы и сейчас замедлены?

– Ускорены, вы хотели сказать? Да, каждую реплику обсуждаем по несколько минут. За рюмочкой, за чашечкой. Мы единодушно считаем, что вы когда-нибудь всё это испытаете. Только вы с Ёлей, действительно, не тяните с детьми, наш добрый совет, и всё будет хорошо.

- Да, нам уже со всех сторон говорят. Мы и сами хотим.
- И слава богу! До свидания!
- До свидания! – попрощался Элеш.

Второид вышел. Элеш немного посидел, пытаясь порадоваться новому повышению рейтинга, но ничего не чувствовал: именно так и ощущаешь себя, если дважды за день пьянеешь, а потом трезвеешь, используя лекарства. Он вышел на улицу, вдохнул полной грудью свежий ночной воздух, дошел до ленты и поехал домой. Подходя к дому, он не чувствовал ничего, будто превратился в андроида – того и гляди в его сознание внедрится оператор, а он будет только двигаться и подсказывать, не имея воли и не переживая по этому поводу. Подойдя к ярко освещенному подъезду, он вспомнил о двух вещах: во-первых, он забыл взять подарок в миритском храме; во-вторых, он забыл про ногти. Элеш осмотрел руки и убедился, что ногти в кошмарном состоянии, на правой руке были даже полоски грязи с того газона, где он закапывал секрет. Элеш хотел удивиться насколько же ему всё равно, но даже удивиться не смог.

Он поднялся к себе и сразу из прихожей, еще не закрыв входную дверь, услышал громкий всхлип. Он быстро прошел в гостиную и увидел Ёлю в самом жалком виде: она сидела на диване, вся залитая слезами, с опущенными руками, чтобы весь мир видел ее слезы, и всхлипывала на всю квартиру. Когда вошел Элеш, она зарыдала с новой силой. Какой бы ни был сейчас бесчувственный, но Элеш сразу понял, что всё

хорошо, а Ёля плачет только потому, что давно не плакала. Такое с ней бывало, но не чаще двух раз в год – можно было вытерпеть. Главное, что знал Элеш, тут нельзя было медлить, что-то спрашивать и отвлекаться, поэтому он сразу подошел к Ёле, сел рядом и молча обнял ее, понимая, что через пару минут она успокоится сама, а до того времени не поможет ничего.

Но на самом деле Ёля рыдала не просто так, а по причине вселенского масштаба, тут Элеш неправильно понимал. Объяснить причину было бы слишком долго, тем более Элешу было вовсе не обязательно ее знать, однако мы попробуем заглянуть в мысли и чувства Ёли, которые привели ее в расстройство.

Когда сегодня утром Элеш ушел устраиваться на работу, Ёля еще два часа провела на дежурстве, почти не шевелясь в своем кресле, и под конец уже всерьез думала, что это безумие надо прекращать: ей уже откровенно сели на голову, так недолго и сорваться, а срываться было нельзя. Наконец Ёлю освободили, она походила по дому, приводя чувства в порядок, и начала себя немного жалеть, ведь все пользуются ее добротой. Тут как раз обновили внешний рейтинг, пришли деньги, которые успокоили ее, и уже через пять минут Ёля спала тяжелым, каменным сном.

Через несколько часов Ёля проснулась совершенно разбитая, будто не отдыхала. Она поворочалась, но больше не уснула, пришлось подняться и жить этот дурной, мутный,

шатающийся перед глазами день. Она прочитала сообщение от мужа, поняла, что он нашел хорошую работу, но порадоваться не смогла: настолько у нее плыло в голове. Именно в этот момент Ёля и совершила главное преступление, от осознания которого так горько потом рыдала. Дело в том, что она... забыла про Элеша. Всего лишь забыла – вы, пожалуйста, не додумывайте что-то постороннее – но забыла так крепко, будто Элеша нет и никогда не было. Это и было в ее вселенной самое страшное преступление, но которое она осознала только потом. И вот так, с забытым, выкинутым из памяти мужем Ёля и прожила остаток дня.

Внешне день был самым обычным, каких много бывает у простой, симпатичной, молодой девушки-южанки в нашей яркой, культурной, энергичной и в то же время такой спокойной и уютной Солертии – самом старом и самом большом городе Большого Севера. Ёля привела себя в порядок и вышла из дома, где свежий воздух и яркое солнце взбодрили ее и немного примирили с такой трудной жизнью. Она обычным порядком обошла все окрестные магазины, не встретила никого из знакомых, купила и отправила домой разное нужное и, сдерживая себя, что было нетрудно ее рациональной душе, помечтала о разном ненужном. Куда-то ехать не хотелось, она пошла в Утиный парк, покормила рыб с моста, потом легла на коврик под старой сосной и до поздних сумерек играла, читала новости и болтала с матерью, сестрами и подругами из Москвы. У всех были какие-то сплетни,

срочные проблемы, все требовали Ёлиного совета, утешения и участия, она оказалась нужна всем и конечно не отказала никому. И надо же такому случиться: ни одной из ее собеседниц не пришло в голову спросить как дела у самой Ёли, что с Элешем, почему, в конце концов, у нее такой замученный вид? Сегодня был тот день, когда вселенная только брала от Ёли, ничего не давая взамен.

Пора было домой, тем более ей захотелось спать. Она могла бы поспать и здесь, под сосной, но подумала, что ее увидит полицейский патруль и могут разбудить, а если и не разбудят, то будут ходить неподалеку и приглядывать, а ей не хотелось обременять даже полицейских. Ёля пришла домой, выгребла из почтового ящика сделанные днем покупки, не стала их разбирать, а просто положила на кухонном столе. Ее сильно клонило в сон, она только разделась, не пошла в спальню и легла на диване в темной гостиной. Какая-то тревожная мысль мелькнула на краю ее сознания, но Ёля была не в силах думать и уснула.

Мелькнувшая мысль, если ее озвучить, была такой: "Что это за коробочка среди покупок? Я, кажется, ничего похожего не покупала". Да, среди покупок была лишняя вещь. В коробочке был парижский трайфл с запиской Элеша, который он послал из "Барселоны" еще утром. Ёля днем не заметила его, потому что отключила уведомления на время работы, потом пропустила уведомление на планшете, потом даже собственными глазами не увидела горящий над ящиком

огонек. Подарок с запиской мужа на весь день остался без внимания. Бывают же такие затмения!

Когда Ёля проснулась, была глубокая ночь. Сперва она не могла понять где находится и попыталась встать в спинку дивана. Разобравшись, включив свет и посмотрев на часы, она подумала: "Где Элеш?" – и тут с ужасом поняла, что очень давно не вспоминала о нем. Вчера она полдня прожила без мужа и без единой мысли о муже, как юная студентка на каникулах в Москве. Ёлю это расстроило и испугало, она подскочила и пошла по всем комнатам в надежде увидеть Элеша: вдруг он вернулся и не стал ее будить? Но она знала, что этого не может быть, и видела, что муж не возвращался. Она готова была заплакать от обиды на неведомую ей силу, что навела вчера морок забывчивости, но еще держалась. Держалась до того момента, пока не начала разбирать покупки и не увидела коробочку из "Барселоны". Ёля открыла ее, трясущимися пальцами распаковала стакан с десертом, прочитала записку: "Милая, оцени. Запивал водой. Люблю тебя" – ... и тут началось.

Из ее глаз так обильно брызнули слезы, что она буквально ослепла. Ёля выронила записку, спотыкаясь дошла до дивана, села, и в ее голове закрутилась карусель из жалости, презрения и любви. Различить эти мелькающие осколки чувств было бы почти невозможно, настолько быстро они сменяли друг друга. Здесь было презрение к себе за то, что она такая плохая и забыла про мужа, а ведь она такая хорошая и так

его любит, было обвинение Элешу, ведь он оставил ее одну, и она сейчас совсем беззащитная среди этой страшной ночной тьмы, но она его прощает, потому что он где-то борет эту тьму и вернется весь израненный, а она на всё готова ради него, ведь она такая хорошая и так его любит, была жалость к ним обоим, ведь окружающие презирают их за бедность и убогость, а они изо всех сил продираются через эту трудную жизнь, поддерживают друг друга, особенно она, потому что она такая хорошая и так его любит, была жалость к их детям, ведь они такие маленькие и больные... будут маленькие и больные, и ей будет так страшно за них, но она сожмет волю в кулак и всё преодолет, потому что она такая сильная и такая хорошая и всех любит. Дальше мелькало что-то совсем неразличимое и не имеющее никакого подобия реальности. Карусель крутилась без устали и выбивала всё новые и новые слезы из Ёлиных глаз, грозя когда-нибудь убить ее истощением всех моральных и физических сил.

Закончиться это могло двумя путями: либо появлялся Элеш, либо появлялся Бог. Последнее, как ни странно звучит, но является истинной правдой. Действительно, когда рядом не было Элеша, то сам Бог утешал ее слезы, Конечно не прямой своей волей, но Он посылал знак. Ёля знала, что Бог никогда не явится перед ней лично, во всей власти и сиянии, как делает перед святыми. Во-первых, чем бы она это заслужила? А во-вторых, она ведь была мужней женой, а как известно всем православным, для жены только муж яв-

ляется Божьим Словом, только через мужа она спасется, и другого пути в рай для нее нет. Ёля верила в это без малейшего сомнения и знала, что Бога увидит только на небесах, если будет этого достойна. Но знак, намек, малую весточку с неба, как подаяние и утешение нищей рабе своей, Бог посылал всегда. Иной раз это была птичка, севшая на окно и стукнувшая клювом в стекло, другой раз – велосипедный звонок, весело прозвеневший на улице и умчавшийся вдаль, Ёля всегда могла узреть Божий знак, и он успокаивал ее, стаскивал с карусели жалости и презрения, и через минуту, еще слезы не высохнут, а она уже смеялась, духовно перерождалась и радовалась новой жизни.

В этот раз до Всевышнего не дошло – появился Элеш. Он всё понял, сел рядом, обнял Ёлю, но она не спешила обнять его в ответ. Она одновременно презирала себя, а значит не заслуживала обнять его, такого хорошего, и одновременно обвиняла его, а значит он не заслуживал, чтобы она, такая хорошая, обняла его. Но она быстро успокаивалась, слезы ее высыхали, и вот Ёля медленно подняла руки и крепко обняла Элеша. Давайте оставим их в этом положении, у них всё хорошо и всё будет хорошо.